ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, С…

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 10 сентября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 49 (685)

СОЗДАДИМ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Народы, населяющие наш могучий Советский Союз, и старший среди них, первый среди равных, русский народ, полны чувства национальной гордости. Это законное и справедливое чувство имеет под собой глубокую основу. Народы Советского Союза горды тем, что они совершили всемирно-историческое дело, первые в мире подняли знамя социалистической революции, разбили и разгромили внутри своей страны эксплоататорские классы, одержали победу над иностранными интервентами, стремившимися восстановить свергнутое господство капиталистов и помещиков, построили социализм и указали трудящимся массам всего мира единственно верный, практикой великого двадцатилетия подтвержденный, путь к освобождению.

Эта всемирно-историческая роль, которую играет наша великая страна в борьбе угнетенных всего мира против капиталистического ига, не случайно выпала на долю революционного рабочего класса и революционного крестьянства нашей страны. На протяжении всей истории России, под жестоким гнетом феодалов, помещиков, купцов, капиталистов, народные массы неустанно боролись и восставали, выдвигали из своей среды многих славных борцов за счастье трудового народа. Вместе с тем, они стойко и мужественно отстаивали целость и независимость своей родины от посягательств иноземных завоевателей, стремившихся воспользоваться военной, хозяйственной, культурной отсталостью России, чтобы закабалить и колонизовать страну, наложить на ее народы двойные и тройные цепи.

В этой борьбе народные массы прониклись могучей жаждой свободы, закалили свои силы, свое мужество, подготовились к тем решающим боям, в которых революционный рабочий класс в союзе с революционным крестьянством завершил многовековую освободительную борьбу Великой социалистической революцией.

Мы любим свою великую, свободную родину, мы горды тем, что принадлежим к великому советскому народу, мы гордимся героическими страницами нашего исторического прошлого.

Еще в 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» Ленин писал:

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. $^9/_{10}$ ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».

Мы любим свое великое настоящее и поэтому мы глубоко интересуемся тем великим и героическим, что есть в нашем прошлом.

Выступая с докладом на VII конгрессе Коминтерна, т. Димитров говорил:

«Те коммунисты, которые полагают, что все это не касается дела рабочего класса, которые ничего не делают, чтобы исторически правильно, в подлинно марксистском, ленинско-марксистском, ленинско-сталинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы **увязать свою теперешнюю борьбу с его революционными традициями в прошлом,** — эти коммунисты добровольно предоставляют фашистским фальсификаторам все, что есть ценного в историческом прошлом нации, для одурачивания народных масс».

Эти слова т. Димитров обращал к коммунистам всех народов мира, указывая им на то, что страницы освободительной борьбы в истории каждого народа составляют предмет его национальной гордости.

Отвечая немецкому писателю Эмилю Людвигу, товарищ Сталин указал на всегдашний интерес коммунистической партии к массовым революционным движениям прошлого и к возглавлявшим их вождям.

«Мы, большевики, — сказал товарищ Сталин, — всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства».

Обращаясь к нашему историческому прошлому, мы не ограничиваемся только историей революционной борьбы. Мы знаем, что в истории России были такие исторические личности, которые, принадлежа к правящим классам и действуя в их интересах, боролись за целостность и независимость страны против иностранных захватчиков, боролись против попыток и стремлений превратить Россию в колонию, немало поработали над преодолением отсталости, от которой страдали населяющие Россию народы. Мы помним о Дмитрии Донском, об Иване Калите, о тех, кто повели борьбу против татарского ига и добились победы в этой борьбе. Мы помним об Александре Невском, который разбил на льду Чудского озера немецких «псов-рыцарей» и отстоял свой народ от грозящего закабаления и уничтожения. Мы помним о киевском князе Владимире, завязавшем связи с более культурной Византией и положившем конец язычеству, тормозившему развитие тогдашней Руси. Мы помним о Петре I, который немало поработал над преодолением вековой отсталости России, создал армию и флот, разбил шведских завоевателей и «прорубил окно в Европу». Мы помним о Минине и Пожарском, возглавивших борьбу народных масс против польских интервентов и их ставленника лже-Дмитрия.

Разгромив вульгарно-социологическую, антиленинскую «школку» Покровского, которая подменяла подлинную историю мертвыми схемами и беспощадно третировала этих исторических лиц, мы даем их деятельности правильную марксистско-ленинскую оценку.

Наконец, в истории нашей страны мы знаем и помним о тех деятелях науки и искусства, которых выдвинула великая семья наших народов. Имена Ломоносова, Менделеева, Лобачевского, Мечникова, Лебедева, Яблочкова, Попова, Мичурина, Тимирязева, имена Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Шевченко, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Льва Толстого, Максима Горького, имена Сурикова, Репина, Левитана, Серова и многих, многих других доставили нашей науке, нашей литературе, нашей живописи всемирную славу и составляют нашу национальную честь и гордость.

На-днях вышли из печати первые экземпляры «Краткого курса истории СССР», составленного на основе исторических замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова. Этот учебник дает подлинную, свободную от искажений и извращений, марксистскую историю нашего прошлого.

В связи с выходом в свет этого учебника, в связи с колоссально возросшим интересом народов СССР к своей истории перед нашей художественной литературой возникает огромной важности задача.

Всем известно, что в русской литературе прошлого века большое место занимали исторические романы, повести и поэтические произведения.

Освещая различные периоды истории, они, отнюдь не заменяя учебников и курсов истории, служили, благодаря самой природе художественного творчества — его яркости, изобразительности, занимательности, — дополнением и пособием в изучении истории.

Исторические произведения русской литературы, созданные великими художниками, имели огромное воспитательное значение для подрастающей молодежи.

«Капитанская дочка» Пушкина, проникнутая глубоким интересом к пугачевскому восстанию, рисовала образ Пугачева вовсе не похожим на того «разбойника», каким изображала его казенно-патриотическая история.

Нужно ли напоминать о «Борисе Годунове»? Лев Толстой в «Войне и мире» дал изумительные картины народной войны против наполеоновского нашествия. Лермонтов нарисовал картину из времен Иоанна Грозного в «Песне про купца Калашникова».

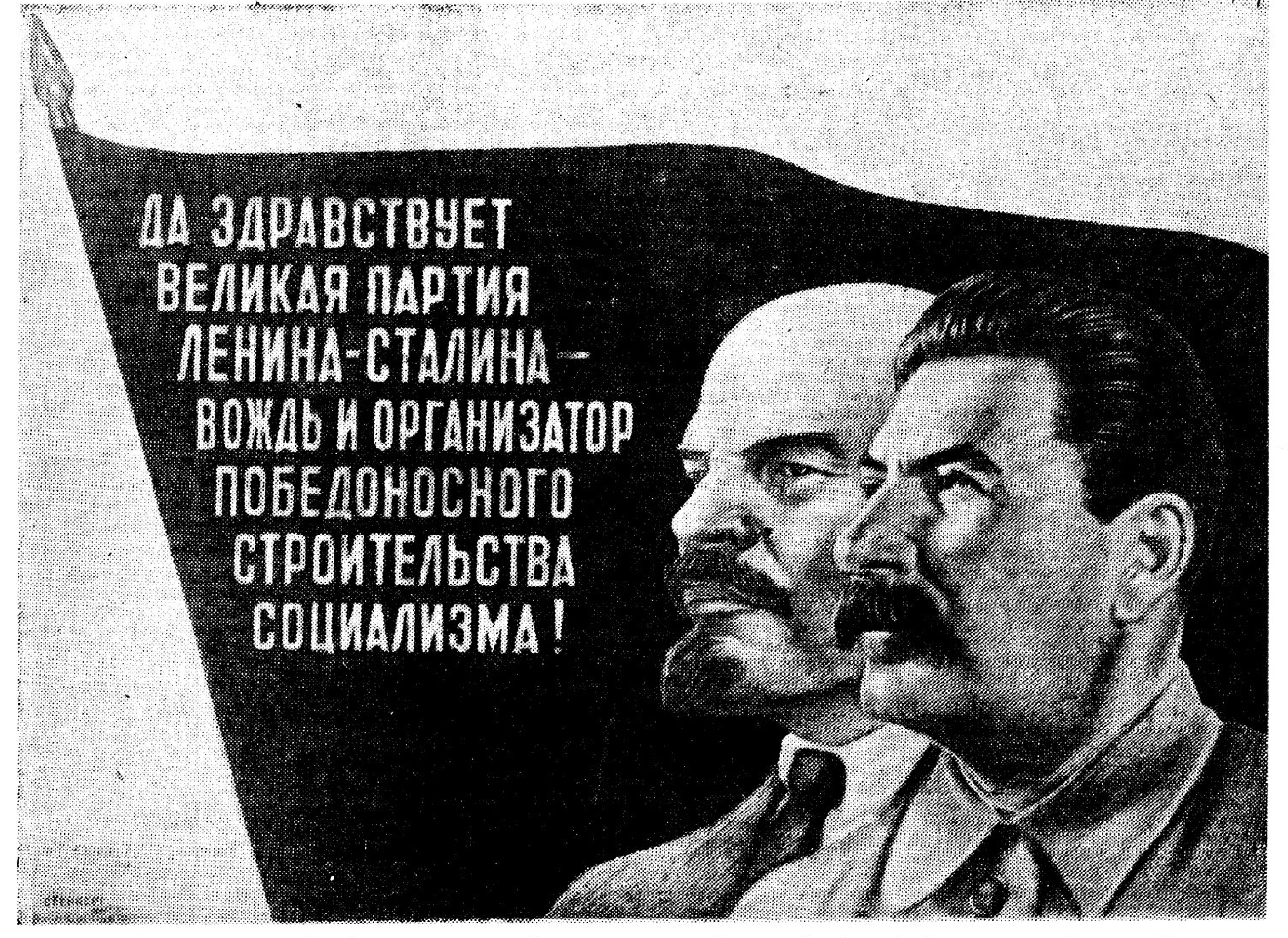
Но и кроме этих гениальных произведений, были романы, повести, исторические драмы писателей, так сказать «второго ряда», которые освещали, пусть далеко не во всем правильно, различные периоды русской истории. Укажем на Ал. К. Толстого, написавшего драматическую трилогию и «Князя Серебряного», на Мея, автора «Царской невесты», на Лажечникова, написавшего «Ледяной дом» и ряд других исторических романов, на Данилевского, написавшего роман «Мирович» и др.

Наша советская литература уже насчитывает в своем активе немало исторических произведений. Часть из них посвящена истории гражданской войны («Чапаев» Фурманова, «Тихий Дон» Шолохова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» и «Последний из удэге» Фадеева), немало написано и на темы из дореволюционной истории («Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Петр I» Ал. Толстого, «Разин Степан» и «Гулящие люди» А. Чапыгина, «Одеты камнем» и «Казанская помещица» О. Форш, «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин» Ю. Тынянова, «Ломоносов» и «Повесть о Болотникове» Г. Шторма, «Емельян Пугачев» Василия Каменского и др.). Но все это, вместе взятое, далеко не достаточно. Многие важнейшие моменты нашей дореволюционной и послеоктябрьской истории совершенно не освещены. Можем ли мы удовлетвориться загоскинским изображением 1612 года, можем ли мы признать правильным освещение Иоанна Грозного и опричнины в «Князе Серебряном»?

Перед нашими писателями, работающими над исторической тематикой, стоят огромные и благодарные задачи.

Надо создать целую серию художественных произведений, которые, будучи полноценными творениями искусства, составили бы цепь «исторических чтений» для многомиллионного советского читателя, для подрастающей молодежи.

За организацию этой работы должен взяться союз советских писателей, который обязан собрать писателей и поэтов, работающих над исторической тематикой, обеспечить им помощь и консультацию историков, помочь им в работе над источниками и архивами. Эту работу должны также всеми доступными им средствами стимулировать издательства художественной литературы.

Плакат художника **Стенберга**, выпускаемый Изогизом к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Ф. КЕЛЬИН

Письма из Испании

Хасинто Бенавенте учится русскому языку

С Хасинто Бенавенте — прославленным испанским драматургом конца XIX — начала XX столетия, автором бесчисленного ряда комедий и одним из крупнейших представителей поколения 1898 г. — познакомил меня поэт Мануэль Альтолягирре в валенсийском театре «Принсипаль».

«Пойдемте за сцену, — сказал он мне, — Бенавенте, наверно, сейчас в директорском кабинете. Он ставит пьесу о России. Пьеса должна пойти на-днях. Бенавенте выступает в ней не только как драматург, но и как актер. Он будет читать пролог перед занавесом».

Мы поднялись по лестнице в директорский кабинет, небольшую комнату, оклеенную красными обоями, со случайной мебелью. Нас принял директор театра Энрике Рамбаль, с румяным, типично актерским лицом, в ярко-голубой рубашке и белых штанах. Несколько ласковых слов, крепкое рукопожатие.

Рядом с высоким и крупным Рамбалем Бенавенте показался мне особенно миниатюрным. Лысина, остатки седых волос на висках и затылке, около глаз — сеть морщин. Большой нос с горбинкой. Тщательно подстриженные седые усы и борода. Черные очки плотно сидят на носу. Одет в клетчатый темный костюм. Маленькие, сморщенные руки. Профиль очень старого и уставшего от жизни человека. Но глаза черные, живые, молодые. Стоит взглянуть в анфас, и сразу видишь, сколько жизни и юного задора сохранилось еще в этом лице.

Бенавенте приподнимается с кресла, на котором сидит. Он «очень рад познакомиться с советским товарищем». Он так интересуется советской литературой, особенно театром.

Я рассказываю ему о постановке его «Игры интересов» в Москве. Известие это его, видимо, радует. Он подробно расспрашивает меня о Художественном театре, о Мейерхольде. На мой вопрос — не думает ли он написать что-нибудь для наших театров? — Бенавенте отвечает отрицательно.

«Сейчас мне писать очень трудно, — говорит он. — Я с удовольствием послал бы что-нибудь из моих прежних пьес, но почти все их экземпляры сгорели во время пожара. В книжный склад моего мадридского издателя попала бомба. Сгорели не только все издания моих книг, но и все, что приготовила для печати испанская Академия наук. Вот в каких условиях приходится жить и работать испанским писателям».

Бенавенте интересуется проблемой художественного перевода в Советском Союзе. Я рассказываю, а он внимательно слушает, слегка наклонив голову (слух по временам изменяет ему). Потом он снова начинает говорить слабым высоким голосом с особым мадридским акцентом. Он вспоминает, как сам когда-то переводил Бернарда Шоу, какой это был тяжелый и вместе с тем увлекательный труд.

«Вы знаете, чем занимаюсь я сейчас? — говорит он мне. — Я изучаю русский язык по английскому учебнику. Мне хотелось бы читать русскую литературу в подлиннике. В прошлом году я собрался в Москву вместе с Маргаритой Ширгу, но этому помешал фашистский мятеж. Может быть мне удастся еще осуществить мой проект». Он вспоминает о том, как он был в Москве в 1927 году, вспоминает Кремль, Красную площадь...

Русский язык, русская литература в Испании в центре всеобщего внимания. На Втором международном конгрессе писателей в защиту культуры делегат Аргентины поэт Кордова-Итурбуру говорил о том, что сейчас для испанских дружинников в траншеях характерны два стремления — драться и читать. Я прибавил бы к этому третье — изучать русский язык. Это характерно не только для бойцов, но и для самых широких слоев населения.

Русскому языку учится знаменитый испанский филолог Андрес Наварро-Томас, возглавляющий «хунту по распространению знаний» в министерстве народного просвещения. Учится вместе с двумя детьми. «Я вновь переживаю свои университетские годы, — рассказывает он мне с улыбкой. — Заглядываю в тетради дочерей. Что делать — я уже не молод. Иногда они понимают лучше меня...».

Наварро-Томас жалуется на отсутствие учителей и учебников. И действительно, об этом приходится сильно жалеть. Особенно об отсутствии грамотного учебника и хрестоматии, написанных специально для испанцев. Впрочем, сейчас этот пробел, как будто, заполняется. «Хунта по распространению знаний» деятельно занялась изучением этого вопроса. Фонетическую часть учебника собирается составить Наварро-Томас. Что касается хрестоматии, то здесь все надежды возлагаются на помощь советских писателей. А пока в министерстве народного просвещения разрабатывают план учебника, русский язык широко распространяется в массах, куда он просачивается, как подпочвенная вода. Русские слова вы можете слышать в магазинах, ресторанах, трамваях, метро, на улице. В Барселоне, Валенсии и Мадриде имеются кружки, изучающие русский язык. Большую роль играют Ассоциация друзей Советского Союза (A. U. S.) и ее провинциальные комитеты, работающие под руководством таких энтузиастов своего дела, как Осорио-Тафаль и недавно приезжавший в Москву на с'езд архитекторов Санчес-Аркас. Но и здесь слабое место—отсутствие хорошего учебника. Иметь грамотный учебник — желание и семидесятилетнего Хасинто Бенавенте и девятнадцатилетнего дружинника в окопах на подступах к Мадриду.

Советские писатели, приезжавшие в Испанию на Второй международный конгресс в защиту культуры, могли убедиться, каким уважением пользуются здесь советская литература, советское искусство. Зал буквально сотрясался от долго несмолкавших аплодисментов, когда выступали представители советской делегации — Кольцов, Эренбург, А. Толстой, Ставский, Вишневский, Фадеев, Барто. И что особенно ценно: средний испанский интеллигент — тем более писатель — не только уважает советскую литературу «по наслышке»,— он в ней хорошо начитан.

Несколько дней назад вместе с Рафаэлем Альберти и Антонио Апарисио я ездил к больному поэту Висенте Алейсандре, уже двенадцать лет прикованному к постели. Алейсандре живет в горном селе Мирафлорес де-ля-Сьерра, в пятидесяти верстах от Мадрида. Село — белые домики с красным крышами — разбросано по склону горы; оно все утопает в зелени. Внизу в расщелине бежит горная река. Сверху ее вода кажется тоже зеленой. Как везде в Испании— много цветов. Дальше, за селом, ввысь уходит Сьерра — синяя, лиловая, с блестящими пятнами снега.

До войны сюда по воскресеньям ездили отдыхать. Мадридские буржуа охотились на кроликов, занимались альпинизмом. Сейчас в селе — санаторий для раненых и больных.

Алейсандре нас не ждал: он поднялся нам навстречу с постели. В руках у него была книжка «Популярной библиотеки романов». Меня поразил знакомый портрет на ее обложке: Лермонтов, «Герой нашего времени» в испанском переводе.

Разговор носил сперва общий характер. Алейсандре расспрашивал Альберти о знакомых, но затем, как это всегда бывает в писательском кругу, перешел на литературу. «Вот у кого нам надо учиться»,—сказал он задумчиво, показывая на «Героя нашего времени».—«Посмотри, можно ли лучше придумать начало? Какая поэтичность и в то же время какая художественная точность»...— И он прочел по-испански первую фразу романа: «Я ехал на перекладных из Тифлиса, дорога шла в гору...».

Алейсандре затем долго расспрашивал меня о Горьком, Гончарове, Тургеневе, Чехове, Андрееве, Мамине-Сибиряке... Его живо интересуют Шолохов, Всеволод Иванов, Федин, Бабель. В прошлом году он читал во французском переводе стихи наших поэтов, приезжавших в Париж. Они поразили его своей динамичностью и глубиной. Говорил преимущественно Алейсандре, но отдельные замечания вставлял и Апарисио. Так в любви к советской литературе сошлись два поколения испанских писателей — заслуженные мастера слова и молодые бойцы, только еще вступающие в жизнь.

В этой любви испанских писателей, — да и всего народа, — к русскому языку, к нашей литературе есть что-то удивительно трогательное, особенно если вспомнить, при каких условиях идет здесь жизнь и развивается искусство. Тот же Алейсандре, прервав на минуту свою речь о советских писателях, обратил наше внимание на пейзаж перед площадкой его дома. Пересеченная холмами бурая равнина вплотную подступает к Сьерре. Идет уборка урожая. Здесь и там мелькают фигуры людей, занятых молотьбой, упряжки мулов. Ветер доносит слабые крики. Налево белой лентой извивается шоссе, ведущее мимо старого замка Инфантадо—зубчатые башни и стены у самой дороги — в село Мансанарес. Совсем близко — фронт.

«Вот на этот холм, — показывает Алейсандре, — фашистские самолеты часто сбрасывают свои бомбы. А отсюда недавно были видны клубы черного дыма. Горел Кольменар-Вьехо после налета эскадрильи...».

Сейчас, когда я пишу эти строки, в Мадриде, в моей комнате сидит Рафаэль Альберти. Он пришел ко мне обсудить вопрос о переводе на испанский язык «Каменного гостя» и «Скупого рыцаря» Пушкина и «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского. Этими тремя пьесами испанский театр, создающийся на новых, революционных началах, хочет начать свой первый сезон. В добрый час!

Мадрид, сентябрь 1937 г.

Борьба испанского народа против фашистских интервентов. Пыльные дороги, плоскогорье, перерезанное глубокими ущельями, с неожиданно возникающими скалами на фронте Уэски. На снимке: республиканские солдаты на часах в пещерах, у входов в ущелья. (Союзфото).

Дневник «Литературной газеты»

Во вчерашнем номере «Правды» частично опубликованы материалы книги «Творчество народов СССР», выходящей к 20-летней годовщине Великой социалистической революции. Уже немногие опубликованные «Правдой» образцы из этой книги дают яркое представление о ее величайшем творческом и исторически-документальном значении. Это поистине драгоценная проба, зачерпнутая из самой глубины океана народного творчества, и в ней не только ярко сверкает поэтический гений народов нашей страны, но и запечатлены их задушевные думы и чувства.

Это единственная в своем роде книга в мире, ибо автором в ней выступает народ, свергнувший иго капитализма и построивший могучее социалистическое государство, в котором нет места эксплоатации человека человеком и полностью обеспечено творческое развитие всего коллектива и каждой отдельной человеческой личности.

Книга «Творчество народов СССР» необычайно широка по своему охвату — в ней звучит всяк сущий в нашей великой многонациональной стране язык, и на всех этих языках громко и уверенно звучит голос сознательной гордости и любви к своей преображенной великой родине, безграничная преданность великой партии большевиков и любовь к ее вождям — Ленину и Сталину.

Великий Ленин, ты наш вождь и брат,
Ты основал советскую страну!
Великий Ленин, наш отец и друг,
Ты снял, ты сбил оковы с наших рук,
Ты распахал большую целину!

Так поется в таджикской песне «Исполин веков», записанной в одном из горных кишлаков Таджикистана.

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню слагает народ.
Летит эта песня быстрее, чем птица,
И мир угнетателей злобно дрожит:
Ее не удержат посты и границы,
Ее не удержат ничьи рубежи.

Новые помыслы и мечты человека нашей страны запечатлены в музыкальной черкесской песне.

Мать поет сыну:
Ты себя еще покажешь —
Время впереди.
Ты носить за подвиг будешь
Орден на груди.
Отличишься на работе
И не сдашь в бою.
И пожмет наш Сталин руку,
Рученьку твою!

Великие перемены в нашей стране не только радостно воспеваются народом в его песнях, рассказах, но находят обобщенное выражение и на шлифованном метком языке народных поговорок и пословиц.

Такова пословица, отражающая победу колхозного строя:

«Ни межи, ни краю — колхозному урожаю».

А новое отношение к социалистической собственности превосходно выражено в целом ряде пословиц, как, например: «Хороша доля с колхозного поля», «Не пускай вора к возу, а кулака к колхозу».

Главной темой дореволюционного народного фольклора была тема страдания от жестокой бессмыслицы и несправедливости общественных отношений.

Но изменилась жизнь, пал гнет капиталистического строя, восторжествовал социализм, и канули в прошлое песни горя и муки, родились новые радостные песни, которые поет освобожденная страна.

Народное творчество проникнуто здоровым оптимизмом, активным жизнеутверждением, верой в народные силы и радостью новой жизни.

На родину В. В. Маяковского

«Дома и квартиры (в Багдади и Кутаиси), где жил В. В. Маяковский, разрушаются и исчезают, документы, находящиеся в архивах, лежат нетронутыми...».

Об этом сообщала «Литературная газета» еще 10 августа.

Для того, чтобы собрать и изучить все историко-литературные документы, связанные с жизнью Маяковского, помочь местным организациям развернуть пропаганду наследия Маяковского, собрать материалы, связанные с детством поэта, в Багдади и Кутаиси выезжает специальная экспедиция в составе представителей библиотеки-музея В. Маяковского, бюро пропаганды Дома ССП и Гослитмузея.

В доме Кучухидзе в Багдади, где родился В. Маяковский, экспедиция организует музей его имени.

По указаниям родственников поэта, квартира, где он провел детские годы, будет восстановлена и полностью реставрирована.

Если представится возможность, будет организована и выставка о жизненном и творческом пути поэта.

Экспедиция произведет фотос'емки всех мест, документов и людей, связанных с биографией поэта.

Лев РУБИНШТЕЙН

Письмо об оборонной литературе

Вредительство в области литературы входит в планы многих разведок.

Это не ново в практике шпионажа. «Классик» прусской разведки Вильгельм Штибер считал чрезвычайно полезным для своих агентов вращаться в среде литераторов, особенно газетных работников, которые, будучи хорошо информированы, иногда страдают излишней болтливостью. Известный штабс-капитан Рыбников или его вероятный прототип Араки неспроста вращались в петербургской литературной богеме. Если трудно получить «материал», так хоть навредить: разоружить, усыпить, демобилизовать.

Наша литература имеет небывалые тиражи, наше кино доходит до самых отсталых углов, наши театры переполнены. Ни в одной стране искусство так глубоко не проникает в народную толщу. На этом участке усыпить бдительность, направить по неправильному пути, не дать «состояться» писателю или литературному произведению — это диверсантская заслуга.

Автор этих строк за свой роман «Тропа самураев» имел случай быть «обстрелянным» с явно диверсантскими целями. К счастью, покушение было с негодными средствами.

Сподвижник предателя Тухачевского шпион Эйдеман имел свои литературные «взгляды». Они были несложны: «оборонной литературы не надо. Всякая литература в наших условиях — оборонная».

Систематическое зачисление под рубрику «оборонных» абсолютно всех произведений вредительски направлено на то, чтобы помешать сосредоточению сил советской литературы именно на оборонном участке литературного фронта.

Между тем нам нужны произведения, которые привлекли бы внимание масс к военным вопросам.

Для этого писателю необходимо знать и изучать военное дело.

Неграмотность в военном деле ведет к созданию бульварно-литературных штампов, которыми охотно пользуются литературные спекулянты типа Киршона и Афиногенова.

Эти последние имели обыкновение откликаться на все решительно крупные события, опубликованные в газетах в течение истекшего месяца: происходят ли события в Испании — быстро создается «Салют, Испания» — «потрясающее» собрание газетных вырезок; становится актуальной тема о будущей войне — быстро клеится «Большой день». Такие сценические «шедевры» делаются очень просто — во втором акте все прыгают с парашютами, а в третьем — переливают кровь. На первый и четвертый акты остаются лязгающий зубами противник и умирающий ребенок. Каждый сам себе драматург!

Второй штамп, к сожалению, еще до конца не изжитый, — это эпизодическое «рубание». Преклонение перед лихой «сашкой», которая с несложным свистом «рубает» головы беляков, часто порождает шапкозакидательские тенденции.

У нас создался еще один штамп: полуочерк-полурассказ о бойце или командире, где сначала все бодро козыряют, а затем заводят какую-то пружину в танке или самолете и быстро едут по кочкам или несутся в голубую даль, чтобы в конце путешествия получить записку от любимой девушки. В виде апофеоза описываются разноцветные парашюты, похожие на цветы, и шум моторов, похожий на трели соловья.

Иногда действие переносится в Испанию, где Хозе или Педро давит фашистов, как клопов, а черноокая Мерседес сжимает рукоятки пулемета («Сквозь чугунные перила вставь зенитный пулемет», как выражается поэт Аврущенко). Чтобы так писать, надо знать Испанию по опере «Кармен», а военное дело по Аркадию Аверченко (напоминаю знаменитое: «австрийцы и русские сидели в блиндажах и стреляли из них в них»).

Между тем, у нас мало, очень мало настоящих оборонных книг.

У нас нет книг о сталинских соратниках — Фрунзе, Ворошилове, Буденном. Со времен фурмановского «Чапаева» не было еще ни одной хорошей книги о живых командирах гражданской войны, о сердце Красной Армии.

О современной Красной Армии, кроме двух книг — Павленко и Вашенцева — ничего толкового не было написано со времен «Бригадной рощи», которая знаменует собой крайнюю юность оборонной литературы.

Об изумительном героизме наших летчиков не написано ничего серьезного. Роман Рахилло, автора симпатичного, но крайне незрелого, нельзя считать достижением.

Ничего серьезного не написано о пограничниках. Нет оборонных книг для детей.

Фаланга крупнейших литературных мастеров совершенно не задета военной тематикой. Молодежь, в силу своего возраста и положения более близкая к Красной Армии, в этом отношении гораздо более активна, и на нее и приходится более всего рассчитывать, но квалификация этой молодежи во многих случаях еще спорна.

У нас нет еще развернутого фронта оборонной (специфически военной) литературы, но есть отдельные успехи. Таковы: «На Востоке», «Цусима», «Мы из Кронштадта», «Капитальный ремонт», «Одиночество», «Всадники», «Севастополь» и т. д.

Поэтому несправедливо было бы утверждать, что оборонная литература сегодняшнего дня представляет собой пустырь, на котором ютится один Павленко. Мы подвинулись вперед за последние годы, но от нас следует требовать большего.

За последнее время наблюдается массовое перенесение поэтов и прозаиков в область оборонной драматургии. Появилось несколько хороших пьес, но также, к сожалению, и множество посредственных.

Никто не задался целью выяснить — чем нас подарит литература к славной 20-й годовщине РККА.

Что касается оборонной критики и публицистики, то здесь затруднительно назвать сколько-нибудь серьезную работу, если не считать работу Першова «Новая дисциплина», посвященную давно прошедшим дням.

Я сознательно не говорю о нескольких удачных статьях и рецензиях. Для большинства критиков характерно полное незнание основных положений военного дела. Поэтому критик, свирепый в области русского синтаксиса, сплошь и рядом становится разухабистым ягненком, когда речь заходит о специфике оборонного дела. Иногда у него хватает мужества прямо признаться, что он в этом деле еще ничего не понимает.

Единственным лагерем оборонников является журнал «Знамя». Но общее положение в оборонной литературе отражается и на «Знамени». У журнала за год бывает несколько «боевиков», из которых, однако, лишь немногие выдерживают испытание временем. Так, «Красноармейцы» Аракелян оказались пошлым романом; Исбах, надежда журнала, оказался лишь неаккуратным членом редакции; «Завещание Уэнтворта» — просто забавной книгой среднего американского жанра. Здесь опять выступает на сцену отсутствие системы, отсутствие тематической последовательности и неопределенность качественных установок. Впрочем, последняя не является особенностью одного журнала «Знамя».

В редакциях часто поднимают на щит или бракуют вещи так, как дегустаторы определяют сорт вина — на язык. При этом каждая удача кажется особенной, каждый провал — ужасным. А в результате молодые авторы зачастую сбиты с толку.

Здесь нужна глубокая и повседневная самокритика оборонных писателей и постоянное внимание старших к младшим. Нельзя, конечно, этого требовать только от редакции журнала.

Ликвидация Оборонной комиссии является крупной ошибкой ССП, обязанного стимулировать оборонную литературу в годы нарастания военной опасности. Оборонная комиссия должна возродиться, но в качественно ином виде. До своего таинственного исчезновения Оборонная комиссия работала из рук вон плохо, а ежегодный отчет ее представлял собой почти шекспировской силы драму. На оборонных конференциях надо воспретить хвастливо-торжественные декларации и беспредметно-вялое пережевывание общеизвестных установок. Надо навсегда покончить с системой восклицательных знаков, кликов восхищения, трогательных анекдотов и общих характеристик, подменявших собой деловую, настоящую работу. Такая атмосфера создает прекрасную маскировку для двурушничества и шпионажа. Надо вести решительную борьбу с огульным «захваливанием» писателей, в особенности молодых, с безоговорочной бульварной руганью, потому что такие методы прекрасно маскируют литературных диверсантов.

Все написанное выше — не статья или доклад. Это литературное письмо, и в нем мало конкретного материала, но я надеюсь, что литераторы, согласные со мной, дополнят меня. Я надеюсь, что тот интерес, который литературная общественность проявит, наконец, к оборонной литературе, приведет к тому, что у нас появятся новые оборонные произведения, не уступающие лучшим книгам советской литературы. Тогда поднимутся и качественные требования, а вместе с ними и бдительность, и всевозможные «литературные» диверсанты не осмелятся на пушечный выстрел подойти к литературе.

Конкурс на песню

Московский союз советских композиторов об'явил конкурс на лучшее сольное вокальное произведение, написанное к двадцатилетию Великой Пролетарской революции.

Срок конкурса для композиторов — **1 ноября 1937 г.**, а для поэтов — **1 октября.**

Представляемые на конкурс произведения могут быть любой формы: романсы, баллады, бытовые песни и т. д. Они должны отражать в своем содержании политические и культурные завоевания Советского Союза. Темы не ограничены.

Авторы музыки могут пользоваться и опубликованными текстами.

За лучшие музыкальные произведения устанавливаются две премии: первая — **3000** рублей и вторая — **1500** рублей. Такие же премии установлены и за литературные тексты.

Материал на конкурс нужно направлять в Союз советских композиторов (Москва, Собачья площадка, 10).

Передовые писатели Болгарии

Беседа с Кристю Белевым

Кристю Белев — известный писатель Болгарии. Он — автор двенадцати книг, большая часть которых посвящена темам революционного подполья и жизни политзаключенных в условиях фашистской тюрьмы.

Начиная с первого сборника рассказов о подпольщиках «Предиинок», вышедшего в 1931 году, и кончая последним антифашистским и антивоенным романом «Прорыв», опубликованным три месяца назад, все двенадцать книг Белева писались в тюрьме.

Писатель впервые отведал тюремной похлебки, когда ему — рабочему табачной фабрики — было пятнадцать лет. Он просидел взаперти семь месяцев, но ввиду отсутствия прямых улик был освобожден. Через год он снова был схвачен и приговорен к смертной казни. Только несовершеннолетие спасло его от виселицы.

Новые преследования полиции, закончившиеся третьим арестом и приговором. Обвинение в революционной пропаганде и в борьбе с существующим фашистским строем опиралось на содержание двух книг Белева, вышедших незадолго до этого: небольшого романа-репортажа «Песня сабо», вскрывающего дикий режим фашистской тюрьмы, и сборника рассказов «Смена знамен».

Недавно К. Белев возвратился в Болгарию со второго международного конгресса писателей в защиту культуры. Творческим результатом этой поездки явится книга об Испании, о славных защитниках Испанской республики.

Революционная биография К. Белева, неразрывно сплетенная с его революционным творчеством, ставит его в первые ряды создателей пролетарской литературы в Болгарии.

Но имя К. Белева не стоит особняком. Болгарская литература знает несколько имен писателей, геройски борющихся за создание революционной литературы. Это — покойный поэт Христу Смирненский, это — трагически погибшие поэты Гео Милев, Христу Ясенов и Сергей Румянцев. Прекрасные, насыщенные высокими идеями произведения этих талантливых поэтов широко известны трудящимся Болгарии.

Кристю Белев, находящийся сейчас в Москве среди гостей пятого советского театрального фестиваля, рассказывает нам, что революционная литература Болгарии является сейчас подлинной властительницей дум широчайших кругов рабочих-читателей.

— С каждым годом растет и крепнет единый фронт передовых писателей Болгарии, с каждым годом к левому крылу примыкают новые литераторы. Известный болгарский критик и историк литературы Георгий Бокалов, профессор и автор трех книг, из коих две посвящены жизни заключенных, Теодор Павлов, талантливый поэт Николай Хрелков — автор большой антивоенной эпопеи «Ночной конгресс», поэт Крум Пенев и другие составляют основное ядро левых писателей. За последнее время к этим именам прибавляются имена молодых и талантливых поэтов Николы Ланкова, Ангела Ходорова, Марко Марчевского, беллетриста Ивана Белева.

К антифашистским болгарским писателям принадлежат и Людмил Стоянов, и Святослав Минков, и Гёнчо Белев, и Мария Грубешлиева, и многие другие.

Левые писатели Болгарии группировались до последнего времени вокруг литературно-художественных журналов, отражавших творческое направление этого крыла литературы.

Болгарская цензура, закрывшая в недавнее время семнадцать прогрессивных и демократических журналов и газет, лишила этих писателей двух литературно-художественных изданий — «Брод» и «Ведрина».

Возник проект создания нового журнала, органа писателей единого фронта.

Первый номер этого журнала, который будет выходить под редакцией Г. Бокалова, Л. Стоянова и К. Белева, должен был появиться в первых числах сентября.

— Несмотря на тяжелые условия, передовая литература Болгарии продолжает успешно развиваться. Она находит своего читателя, который с большим интересом следит за творчеством писателей, отражающих жизнь рабочих. Болгарская литература в этом смысле находится под большим влиянием советской литературы, которая очень популярна среди рабочих-читателей.

На болгарский язык переведены все крупнейшие вещи советских писателей: А. Толстого, Шолохова, Гладкова, Фадеева, Эренбурга, Вс. Иванова, Бабеля и др.

На фронтах в Испании. На снимке: бойцы республиканской армии на позициях на центральном фронте в районе Брунете. (Союзфото).

ПЛЯ-И-БЕЛЬТРАН

Испанские очерки

Жизнь и смерть комиссара

— I —

Испанская земля рыдала. Юг был необ'ятным костром, в пламени которого сгорали вместе с пшеничными полями и садами олив измученные сердца крестьян. Это было первобытное, стихийное и яростное дыхание земли. Человеческий инстинкт восставал против несправедливой судьбы, сделавшей человека парием. Крестьяне свирепо поднимались против голода, и гнев их был потоком огня, уничтожавшим созревшие для жатвы поля.

В эти смутные дни вернулся из Советского Союза Масферрер-и-Канто. Светлый и жизнерадостный, он был носителем доброй вести. Всю свою душу вкладывал он в слова, когда рассказывал об отчизне трудящихся.

Костры юга в зловещей пляске ненависти и смерти разлились пламенем по всей широкой бычьей шкуре, которую напоминает карта Испании. Кастилия и Эстремадура пробудились от летаргии. Но кульминационным взрывом целой серии небольших восстаний была героическая эпопея северного пролетариата. В октябре 1934 г. были посеяны семена будущей жатвы, это был момент перехода испанской революции на высшую ступень.

— II —

Трудные были времена. Испания превратилась в огромную тюрьму, где люди подвергались самым жестоким пыткам, самым страшным мукам. Волю целого народа можно подавить на миг огнем и железом, но ее нельзя сломить.

Когда восстание было подавлено, ужас оледенил много сердец. Нашлись пораженцы и предатели. В этот момент устанавливалась истинная цена человека.

Сантьяго Масферрер-и-Канто стойко и непоколебимо оставался на своем посту. «Если умирать, — говорил он, — так уж лучше стоя». И он выполнил свой долг самоотверженного революционера. Он вынул из груди своей сердце, вливая в народ свою неизмеримую любовь к Советскому Союзу и родной Испании. Он работал без устали. Уверенный в победе, он боролся в подполье, бодрый и решительный, как никогда.

— III —

Рассеялась ночь и наступил день... но какой день!

Смерть задела нас своими когтями, но не дотянулась до сердца.

Вот уже две недели, как генералы подняли мятеж против Республики. Народ с непередаваемым героизмом, вооруженный охотничьими ружьями, старыми пистолетами, яростно бросился на казармы и выбил оттуда изменников.

Это было ясным, знойным утром одного из последних июльских дней. Сияющий от счастья Масферрер-и-Канто был окружен солдатами и рабочими. Он говорил с ними во дворе только-что захваченной казармы:

— Не надо ничего жечь, не надо ничего разрушать. Наш народ обладает беспредельными запасами героизма, но для этой войны требуются исключительные люди. Каждая мелочь может оказаться полезной для победы над врагом. Нам необходимо телом и духом приспособиться к войне. Необходимо создать народную армию, подготовленную для борьбы и победы.

— IV —

На полях Испании появлялись все новые и новые отважные бойцы. Каждый знал свое место в этой войне не на жизнь, а на смерть.

Сантьяго Масферрер-и-Канто, человек по наклонностям отнюдь не воинственный, стал комиссаром бригады. Его видели в окопах; он заражал своей отвагой бойцов на передовых позициях. Его участок был школой героев. Он знал: для того, чтобы его бойцы были лучше всех, они должны смотреть вперед, в глаза смерти. Но для этого им надо не думать о смерти. И он бросает ей вызов, издевается над ней, каждую минуту ставит свою жизнь на карту.

Наступает трагический миг гибели чудесного человека. На рассвете одного из мадридских дней его бригада получает приказ наступать. Враг силен, но бойцы Масферрера прошли боевую закалку на победном пути. Они преодолевают брустверы, они атакуют. Это просто — атаковать под дождем пуль, которые пролетают мимо, в ласковом свете зари. Комиссар идет впереди, неудержимый и бесстрашный. Это просто —атаковать; просто и прекрасно.

Но внезапно лицо комиссара изменяется, как бы ширится и на миг заслоняет все пространство. Пуля укусила его в широкую грудь, заразив ее ядом вечного сна. Комиссар медленно склоняется к земле. На лице его не написано ни боли, ни страха смерти. Это просто и прекрасно — грудью теснить врага, умирать в такое ясное утро. И когда тело комиссара ударяется о жесткую почву, его густая кровь, хлынув из сердца, разливается по истерзанной испанской земле.

Сантьяго Масферрер-и-Канто сдержал свою комиссарскую присягу: «Быть первым при наступлении и последним при отступлении».

Валенсия. Сентябрь 1937 г.

В. ЖДАНОВ

А. К. Толстой

К 120-летию со дня рождения

Алексею Толстому принадлежит одно из первых мест среди представителей «второго ряда» русской классической литературы. Его произведения до сих пор пользуются огромной популярностью. С детства все помнят прекрасные лирические миниатюры «Колокольчики мои», «Где гнутся над омутом лозы»; народной песнью сделалось стихотворение о колодниках («Спускается солнце за степи»); широко известны романсы Чайковского «Средь шумного бала», «То было раннею весной» и многие другие; со сцены Художественного театра не сходит трагедия «Царь Федор Иоаннович».

Несмотря на значительное место, которое занимает А. Толстой в истории русской поэзии, у нас до сих пор не было ни одного издания его стихотворений. В советской истории литературы не было ни одной попытки разобраться в поэтическом наследии А. Толстого (только совсем недавно в малой серии «Библиотеки поэта» вышел небольшой сборник его избранных стихотворений со вступительной статьей И. Ямпольского).

А. Толстому вообще не повезло в критике. Правда, когда в 1841 году, под псевдонимом Краснорогский, он выпустил свою первую книжку — фантастически эффектную повесть «Упырь», ее сочувственно встретил сам Белинский. Посвятив книжке небольшую рецензию, он отметил в ней «признаки еще слишком молодого, но тем не менее замечательного дарования, которое нечто обещает в будущем».

Но с тех пор А. Толстой не пользовался вниманием и благосклонностью критики. Общественно-политическая позиция, которую он занимал, будучи зрелым поэтом, была причиной резко отрицательного отношения к нему передовой критики 60-х годов. Либеральная критика позднейших лет, пытавшаяся изобразить Толстого либералом, а его антинигилистические памфлеты выдать за невинные шутки, была бессильна об'яснить его творчество. Беспристрастного анализа и оценки поэзия А. Толстого ожидает вплоть до наших дней.

В годы расцвета передовой русской литературы, который несло с собой развитие революционно-демократического движения, в годы ожесточенной борьбы шестидесятников против дворянско-эстетического направления в поэзии А. Толстой твердо заявил себя сторонником последнего. В группе дворянских поэтов той поры (Майков, Щербина, Фет, Полонский), стоявших под знаменами «чистого искусства», считавших себя наследниками Пушкина и боровшихся с политической гражданской поэзией Некрасова, А. Толстой бесспорно является наиболее значительной величиной. Он выделяется и масштабом дарования, и широтой общественного содержания своей поэзии. Если для большинства дворянских поэтов того времени «чистая» лирика была преобладающим жанром творчества, то А. Толстой, помимо лирики, проявил себя как первоклассный сатирик, как драматург — автор трех больших исторических трагедий, наконец, как автор романа «Князь Серебряный».

Выросший в аристократическо-поместной семье, воспитанный на лучших памятниках итальянского искусства, постоянно вращавшийся в придворных кругах и близкий друг царя Александра II, граф Алексей Константинович Толстой представлял собой тип культурного, слегка дилетантствующего светского поэта, поклонника муз и красоты, ненавистника мира «газетчиков» и чиновников.

А. Толстой никогда не скрывал своей вражды к передовому общественному движению 60-х годов, к материализму и «нигилизму», не без оснований видя в них прямую угрозу самым основам строя.

Однако в то же самое время А. Толстой вовсе не был оголтелым защитником царизма и его реакционной политики. Более того, есть все основания говорить об оппозиционном, критическом отношении А. Толстого к правящим бюрократическим верхам, отношении, питавшем прогрессивную, разоблачительно-сатирическую струю в поэзии А. Толстого.

Оппозиционность А. Толстого сказывалась и в его отношении к произволу, который он решительно осуждал. Еще в 1852 году он употребил свои связи и знакомства, чтобы освободить из ссылки Тургенева, поплатившегося за написанный им некролог о Гоголе. Позднее ему пришлось хлопотать за И. Аксакова, которому угрожала дальняя ссылка. Известны иронические отзывы поэта о манифесте 19 февраля, известны его выступления в защиту угнетенных народностей России, подвергавшихся насильственной руссификации. Наконец, сохранился рассказ о попытке А. Толстого смягчить участь сосланного Чернышевского, попытке, свидетельствующей, кроме всего, о личном мужестве и благородстве поэта, поскольку речь шла о человеке, идеям которого он явно не сочувствовал. В 1864 году, присутствуя на царской охоте, А. Толстой заговорил с царем о литературе. «Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского!» — сказал он царю; не дав ему докончить фразы, царь возразил: «Прошу тебя, Толстой, мне никогда не напоминать о Чернышевском».

В качестве близкого ко двору человека А. Толстой остро ощущал и господство деспотического режима и утрату политического веса феодальной аристократии, принадлежностью к которой он всегда гордился. В этом, повидимому (а не только в несовместимости службы с искусством, о чем часто говорил сам поэт), заключались главные причины его стремления освободиться от придворной карьеры, уйти от холопов деспотизма, заняться только поэзией, замкнувшись в своем тихом патриархальном поместье.

В блестящей рецензии на роман «Князь Серебряный» Щедрин вскрыл идею романа, выраженную автором в словах, которые чудятся Грозному: «Не расти двум колосьям в уровень, не сравнить крутых гор с пригорками, не бывать на земле безбоярщины». Эти слова дают ключ к пониманию исторической романтики А. Толстого — его трилогии и многочисленных былин, баллад и притч, отражающих весьма определенные тенденции.

А. К. ТОЛСТОЙ

Не находя опоры в современном «деспотическом» строе, рисуя в своих исторических произведениях из эпохи Ивана Грозного борьбу бояр, знати с «деспотизмом» московских царей, А. Толстой идеализировал вечевой уклад древне-новгородской «дотатарской» Руси, с ее вольницей, князьями, живущими душа в душу с народом, связями с Западом, господствующим положением аристократии. Разумеется, эта «Русь» существовала лишь в фантазии поэта. Тем не менее весь этот идеализированный древнерусский мир, населенный героями толстовских «былин» — простыми, смелыми, благородными богатырями и добрыми князьями, — помогал ему формулировать свои политические симпатии, опираясь на далекое прошлое. Разойдясь с славянофилами в оценке этого прошлого, А. Толстой писал:

«Хотя я враг всякой предвзятой мысли в искусстве, всякой **тенденции**, но мои убеждения высказались **невольно** в царе Борисе и **я невольно** заявил мою антипатию к русопетам, становящимся спиной к Европе. Московский период нас **отатарил**, но из этого не следует, что мы татары; ... мой добрый приятель... Аксаков должно быть не подозревает, что Русь, которую он хотел бы воскресить, не имеет ничего общего с настоящей Русью. Кучерская одежда, в которой щеголяли его брат, Константин Аксаков, и Хомяков, так же мало изображает настоящую русскую Русь, как и их до-петровские теории; и Петр I, несмотря на его палку, был более **русский**, чем они, потому, что он был ближе к дотатарскому периоду. Отрекаюсь торжественно от моей песни, которая в свое время имела большой успех:

Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»

В своей трилогии, до сих пор волнующей зрителя драматизмом ситуаций, человечностью исторических персонажей, А. Толстой нарисовал крушение самодержавной власти, лишенной поддержки бояр и народа, гибнущей либо от жестокого деспотизма («Смерть Иоанна Грозного»), либо от безволия и слабости монарха, опирающегося лишь на веления своего «христианского сердца» («Царь Федор Иоаннович»). Только Годунов может быть настоящим монархом. Но и он, построивший свою власть на преступлении, гибнет, лишенный нравственной опоры. Любопытно, что в свое время трагедии Толстого были запрещены на русской сцене. «Федора Иоанновича в России запретили, — писал А. Толстой Жемчужникову. — Подрывает, мол, царское достоинство! Если смерть Иоанна его не подрывает, то как же Федор подрывает? Дураки и черти!..»

Старая критика указывала иногда на родство А. Толстого - лирика с Пушкиным. Действительно, А. Толстой не избежал могучего влияния великого русского поэта. Отзвуки «Песни о вещем Олеге» нетрудно обнаружить в толстовских балладах, тема «Египетских ночей» звучит в «Грешнице», пушкинские приемы чувствуются в описательных вещах Толстого, в его лирически четких картинах природы, в некоторых, по пушкински светлых, живых зарисовках непосредственного чувства.

Однако в целом лирика А. Толстого далека от Пушкина. Его «Дон Жуан», так отличный по своему духу от пушкинского «Каменного гостя», наглядно иллюстрирует это. Как Дон Жуан Толстого, раз'едаемый анализом, поисками невозможного, лишенный воли и в конце концов смиряющийся, не похож на сильного и смелого, прямого и непокорного пушкинского Дон Гуана, так и общий меланхолический тон лирики А. Толстого не похож на светлую, ясную, полную оптимизма лирику Пушкина.

В поэзии А. Толстого довольно отчетливо сказались признаки, характерные для второго этапа русской поэтической культуры XIX века — признаки, подготовившие расцвет русского символизма и импрессионизма. А. Толстой однажды писал: «Хорошо в поэзии не договаривать мысль, допуская всякому пополнить ее по-своему». В соответствии с этим высказыванием, в легкой и прозрачной лирике А. Толстого, всегда пленявшей русских композиторов, мы находим обилие недоговоренностей, неясных намеков, стремление передать неопределенные настроения и переживания, связанные, в частности, с изображением искусства. Показательны в этом смысле стихотворения, рисующие процесс творчества («Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель») и, особенно, восприятие музыки:

Он водил по струнам; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,
И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья...

В этом замечательном стихотворении налицо типично символистская попытка изобразить непередаваемое словом, сложное, суб'ективное настроение, возбуждаемое музыкой.

Поэт однажды заметил в своей автобиографии: «Между тем, как одни считают меня ретроградом, административные власти видят во мне чуть не революционера». Поводом для того, чтобы считать А. Толстого революционером, могла быть только его деятельность, как сатирика, связанная с отрицательным, аристократически-фрондерским отношением автора к правящим бюрократическим верхам.

Остроумные выступления Козьмы Пруткова на страницах «Современника» и добролюбовского «Свистка» сыграли свою роль в формировании сатирической поэзии 60-х годов. Известно, что их высоко ценил Добролюбов. От Козьмы Пруткова, в создании которого немалое участие принимал А. Толстой, тянется прямая нить к таким непревзойденным сатирам, как «История государства российского» и «Сон Попова». Последние произведения не напрасно запрещались цензурой и не случайно расходились по рукам в бесчисленных списках. Необычайным успехом пользовались язвительные характеристики русских монархов в «Истории государства». «Сон Попова» представляет исключительную по яркости, остроте и мастерству выполнения сатиру на либерализм. Здесь едва ли не впервые в литературе было высмеяно знаменитое Третье отделение.

В свое время Тургенев написал прочувствованную статью о смерти А. Толстого, в которой дал общую оценку его поэтического облика: «Не будучи одарен той силой творчества, тем богатством фантазии, которые присущи первоклассным талантам, Толстой обладал в значительной степени тем, что одно дает жизнь и смысл художественным произведениям — а именно: собственной, оригинальной и в то же время очень разнообразной физиономией; он свободно, мастерской рукою распоряжался родным языком... Он оставил в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений, которые — в течение долгих лет — стыдно будет не знать всякому образованному русскому; он был создателем нового у нас литературного рода — исторической баллады, легенды; на этом поприще он не имеет соперников...»

Эти слова Тургенева верно характеризуют поэзию А. Толстого, которая продолжает сохранять живой интерес для современного советского читателя.

И. НУСИНОВ

Л. Н. Толстой о защите родины

К 125-летию Бородино

Л. Н. Толстой начал свою творческую жизнь пацифистом, его первый военный рассказ «Набег» (1852—1853) проникнут отрицанием войны, утверждением чуждости человеческой природе военных насилий, провозглашением абсолютного добра человека.

В этом рассказе Толстой уже проступает то отрицание военной науки, значения полководцев, которое впоследствии получило законченное выражение в «Войне и мире». Основная мысль рассказа в том, что несравненно важнее понять и показать, «каким образом и под давлением какого чувства убил один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве».

Во время Севастопольской обороны 1854 г. чувства гуманизма и пацифизма осложняются в Толстом сознанием опасности, грозящей родине. Конфликт этих чувств проявился в рассказе «Севастополь».

Правдивый психологический рисунок, показывающий глубокую жажду жизни, страх смерти каждого из участников войны; гуманистическое одобрение этой жажды жизни, патриотическая обида за поражение, стыд и злоба, за которыми кроется смутное сознание своей вины, — эти мотивы завершают «Севастополь» и вскрывают нарастающие внутренние противоречия Л. Н. Толстого. «Это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимою горечью в сердце вздыхал и грозился врагам».

В течение десятилетия, прошедшего между созданием «Севастополя» и «Войны и мира», в Толстом чрезвычайно усилились его непротивленческие, окрашенные в христианствующие тона, настроения. За эти годы он создает повесть «Казаки», в которой уже утверждает весь комплекс идей, составляющих основу его последующей морали и социальных взглядов. Основа жизни — «любовь, самоотвержение». «Жажда любви и самоотвержения «всегда может быть удовлетворена, несмотря на внешние условия». Отсюда отказ от богатства, чинов, знатности: в них источник всех пороков и всех несчастий. Только вне их возможны счастье и добродетель.

За эти же годы Толстой создает «Люцерн», где он утверждает, что жалеть надо не обиженных, а обидчика, ибо нищий-певец счастлив, в его душе благостный покой, тогда как этого покоя лишены его обидчики.

С этим убеждением он подходил к созданию «Войны и мира».

Толстой отвергает об'яснения исторических событий, которые дают «новейшие историки от Гиббона до Бокля». Он писал в «Люцерне»: — «Один только есть у нас непогрешимый руководитель—всемирный дух». Надо по-каратаевски примириться, покоряться той неведомой силе, которая все предопределила. Каратаевское непротивление, всепрощение выступает, как высшая человеческая мудрость.

И все же «Война и мир» в своей основе построена на отрицании этих каратаевских добродетелей.

Платон Каратаев — антигосударственник, непротивленец. Он не знает бунта и возмущения врагом. А «Война и мир» прославляет беспредельное сопротивление врагу, является гимном родине, народу, который жил единой мыслью, единой волей: изгнать, уничтожить врага, спасти родину, отстоять ее честь и независимость.

Когда Наполеон занимал западные столицы, население осталось на местах. Все признали и покорились его власти, все стремились заслужить его милость.

Но в России никто не счел для себя возможным оставаться под властью Наполеона.

Княжна Марья поглощена смертью отца, мыслью о своей вине перед ним. «После похорон отца княжна Марья заперлась в своей комнате и никого не впускала к себе». Когда ей говорят о войне, об угрожающих ей опасностях, она отвечает:

«Ах, ежели бы кто знал, как мне все — все равно теперь».

Но к ней входит M-lle Бурьен и говорит ей, что она хочет обратиться к французскому генералу Рамо:

«Я уверена, что вам будет оказано должное уважение». Это выводит княжну Марью из ее безразличия:

...«Поскорее ехать. Ехать скорее! — говорила княжна Марья, ужасаясь мысли о том, что она могла остаться во власти французов».

Эта мысль приводила ее в ужас, заставляла содрогаться, краснеть и чувствовать еще неиспытанные ею припадки злобы и гордости.

Так действует и чувствует не только княжна Марья, дочь старейшего русского генерала. Так чувствует любой русский человек.

Кузина Пьера — «старшая княжна, с длинной талией и окаменелым лицом» — говорит Пьеру:

«Я об одном прошу, прикажите меня свезти в Петербург: какая я ни есть, а я под бонапартовой властью жить не могу».

Это чувство не сословное. В нем сказалась не гордость аристократов, привыкших властвовать, — нет, это чувство народное.

Когда армия оставила Смоленск, он был «сожжен самими жителями, обманутыми своим губернатором, и разоренные жители, показывая пример другим русским, едут в Москву, думая только о своих потерях и разжигая ненависть к врагу».

Москва следует примеру Смоленска. Город сожжен, население ушло. Толстой с исключительным сарказмом показывает, как Наполеон, стоя на Поклонной горе, ожидал депутацию бояр, чтобы произнести перед ними торжественную речь, и как его свита искала выхода из создавшегося положения, боясь об'явить Наполеону, что он напрасно ждал бояр так долго, что есть только пьяные, но ничего больше.

Москва опустела, ибо у всех русских жило то же чувство, что никто и никак не может их заставить служить чужеземному насильнику.

Вот это сознание всего народа было источником того «духа войска», которого Наполеон не учел и равного которому он нигде до Бородино не встретил.

Толстой дает картину Бородино в восприятии не-военного, Пьера Безухова. По дороге из Можайска в Бородино накануне сражения солдат говорит ему:

«Нынче не то, что солдат, а и мужиков видал. Мужиков и тех гонят... Нынче не разбирают... всем народом навалиться хотят; одно слово — Москва. Один конец сделать хотят».

Пьер Безухов из беседы с Андреем Болконским и со скромным, тихим Тимохиным, из наблюдений над Кутузовым, из всего пережитого за время боя узнает глубокий смысл этих слов неизвестного солдата:

«Всем народом навалиться хотят; одно слово — Москва. Один конец сделать хотят».

Андрей Болконский говорит Пьеру: «Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение?... Нам там не за что было драться... Ты говоришь: наша позиция, левый фланг слаб, правый фланг растянут, — все это вздор, ничего этого нет... что бы там ни было, что бы ни путали там, вверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение».

После этого разговора с Андреем Пьер понял «... весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую (latente), как говорят в физике, теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая об'ясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти».

Об эту «скрытую теплоту патриотизма» разбились атаки Наполеона. Она уничтожила силу его военного гения.

«Наполеон испытывал тяжелое чувство, подобное тому, которое испытывает всегда счастливый игрок, безумно кидавший свои деньги, всегда выигрывавший и вдруг, именно тогда, когда он рассчитал все случайности игры, чувствующий, что чем более обдуман его ход, тем вернее он проигрывает».

«Прежде после двух-трех распоряжений, двух-трех фраз скакали с поздравлениями и веселыми лицами маршалы и ад'ютанты, об'являя трофеями: корпуса пленных, des faisceaux de drapeaux et d'aigles ennemis, и пушки и обозы,—и Мюрат просил только позволения пускать кавалерию для забрания обоза. Так было под Лоди, Маренго, Арколем, Иеной, Аустерлицем, Ваграмом и так далее и так далее». Но так не было на Бородино, потому что здесь он встретился с твердым решением русских «всем народом навалиться»... Один конец сделать».

И народ положил конец иноземному насильнику.

В формальном противоречии со своей философией фаталистического религиозного детерминизма, в глубоком противоречии с прославляемой им моралью покорности и всепрощения Платона Каратаева, Толстой торжественно восклицает:

«И благо тому народу, который не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передает ее великодушному победителю, а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первопопавшуюся дубину, и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью».

Много лет спустя после того, как Толстой кончил «Войну и мир», уже тогда, когда он работал последний раз над романом «Декабристы», он говорил:

«Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную основную мысль. Так в «Анне Карениной» я любил мысль семейную, в «Войне и мире» любил мысль народную, вследствие войны 12 года».

В «Войне и мире» Толстой любил силу и величие русского народа в его глубокой жажде независимости и ненависти к иностранному насильнику, в его чувстве чести родины. В «Декабристах» Толстой любил «завоевания свободы», в смысле созидания, силу народа.

В наши дни обе эти тенденции слились воедино. Народы нашего Союза как никогда полны любовью к родине, чувством чести своей родины, преданностью ее свободе и независимости. Родина для них — источник созидания новых форм жизни для себя, для всего человечества. Строя свою социалистическую родину, народы нашего Союза демонстрируют, что «то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах» (Сталин).

И если враг подымет руку на нашу родину, то та дубина, которую так восхвалил великий гуманист и пацифист Л. Н. Толстой, обрушится на врага и будет гвоздить его до тех пор, пока насильник не будет уничтожен.

Денис Васильевич Давыдов.
С гравюры Дюбурга, сделанной с портрета Орловского.

ПОЭТ-ПАРТИЗАН

Среди участников кампании 1812 года, а потом и историков ее, одно из самых видных мест занимает известный поэт Денис Давыдов. Организатор партизанского движения, он является одновременно и теоретиком партизанских войн, будучи автором книги «Опыт теории партизанских действий».

Народная война 1812 г. отражена Денисом Давыдовым в целом ряде прозаических произведений: «Дневник партизанских действий 1812 года», «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона», «Переписка с Вальтером Скоттом», «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского». Но в художественном отношении выше прозы Дениса Давыдова стоит, конечно, его поэзия, так высоко оцененная Пушкиным. Давыдов выступил с прозой, будучи уже известным поэтом, искусство которого повлияло и на начинающего в то время Пушкина. Пушкин, признавая достоинства прозы Давыдова —

Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога, —

боялся, что она пришла на смену поэзии:

О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт...

Своеобразный талант Давыдова прихотливо соединил два стиля художника — непринужденную, бойкую, краткую речь военного и наряду с ней стиль глубочайшего интимного элегика.

Это сочетание двух стилей у Дениса Давыдова подчеркнуто Пушкиным в обращенном к нему стихотворении:

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И грозную потеху драки
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

Я слушаю тебя — и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей.
[И весь] я пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

Необыкновенная горячность речи Дениса Давыдова, отмечавшаяся всеми современниками, выделена и Пушкиным.

Пламенный патриот, глубоко эмоциональный человек, живший войнами или воспоминаниями о них, Денис Давыдов был ярким рассказчиком.

Образ Давыдова отразился в «Войне и мире» Толстого в лице Василия Денисова.

Страстный человек, Денис Давыдов умел крепко любить. Генерал князь П. И. Багратион был одной из наиболее сильных привязанностей Давыдова. Проделав с ним кампанию 1806—1807 года в качестве его ад'ютанта и начав кампанию 1812 года под его командованием, Денис Давыдов навсегда полюбил этого талантливого стратега. «Щит чести русского оружия», Багратион погиб «в роковой день священного бородинского боя». Давыдов готовился писать его биографию, собрал большое количество материалов, но книги не написал. К 25-летней годовщине Бородинского боя Денис Давыдов старался выхлопотать разрешение на перенесение праха Багратиона на Бородинское поле. Но торжество было отложено на два года (оно состоялось в августе 1839 года), а в апреле 1839 года Денис Давыдов умер. Может быть именно в связи с этим оживлением памяти любимого героя Денисом Давыдовым была написана следующая до сих пор не бывшая в печати «Надпись к портрету князя Петра Ивановича Багратиона».

Где Клие[1] взять перо писать
его дела?
У Славы из крыла.

Эта лаконичная и вместе патетическая надпись крайне выразительна. Она принадлежит вероятно к последним годам жизни Дениса Давыдова; надпись переписана на одном листе с другими стихотворениями Дениса Давыдова 30-х годов. Автограф этот хранится в архиве Государственного литературного музея в Москве.

Т. ЗЕНГЕР.

[1] Клио — муза истории. Имя ее по-гречески значит — провозвестница славы.—Т. З.

Б. РЕЙЗОВ

1812 ГОД И ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Притязания Наполеона на всемирную монархию вызвали в Западной Европе под'ем национального чувства. Испания, подвергшаяся вторжению императорских армий, первая подала пример «Отечественной» войны. Германия глухо волновалась и ждала сигнала, чтобы подняться против иностранного господства. Когда в 1812 году русский народ оказал героическое и всеобщее сопротивление бесчисленным наполеоновским армиям, это не могло не возбудить сочувствия во всех почти странах Европы.

Первые отклики поэзии на эти события — восторги, выраженные в форме од и гимнов. На сценах появляются феерии и комедии, вроде «Речного бога Немана» Августа Коцебу, или «Приключения Николая[1] Бонапарта и его сошествие в ад» и т. д. Германская, английская, итальянская, испанская печать дают многочисленные образцы таких произведений. Но после первых мгновений радости художники пристальнее всматриваются в великое политическое событие. Отечественная война, Россия и русские поражают западное воображение некоторыми особенностями.

Самопожертвование, на которое способен народ, охраняющий свою национальную независимость, словно символизировалось в пожаре Москвы. Древняя русская столица сама по себе привлекает внимание иностранцев, а вместе с ней их начинает интересовать и вся страна, ее география, ее история.

Ужасы войны, голод и мороз, которые приходилось выносить отступавшим, огромный город, превращенный в пепел пожаром, — благодарные сюжеты для так называемого «страшного», «готического» романа.

Особенно интересуют иностранного читателя русский народный героизм и русские нравы. Партизанская война,война крестьян и казаков — вот основное, что подчеркивают многочисленные западные романы о войне 1812 года. В разных сюжетных условиях, с разной степенью ясности звучат эти мотивы в романтическом повествовании М. Цнаффа «Девушка из Смоленска», и во многих других—«Герольд и Агата, или любовники в лесу, исторический роман, основанный на правдивой истории» Фридриха Эноха, «Павловна, или несчастная девушка в склепе под пылающей Москвой, ужасная картина из истории французско-русской войны» Генриха Мюллера, английский роман «Иванова, или девушка из Москвы», и др. Эти бесчисленные романы, повести, водевили, поэмы несут в западную литературу «русскую тему».

Тема эта звучит по-разному в зависимости от политического момента и социальной направленности произведения. Враги Наполеоновской империи, конечно, относятся к России почти с восторгом. Но для французов приветствовать русских значило прославлять Бурбонов, Реставрацию. На это шли только ярые ультрароялисты. Вот почему множество водевилей, комедий, песенок (в частности, Беранже), посвященных «врагам», «казакам», полны ненавистью к победителям. К этому присоединилось еще одно обстоятельство, имевшее значение для всей Европы. Во Франции положение вещей было ясно с первого же дня: падение Наполеона и торжество коалиции были торжеством феодальной реакции.Но в других странах Западной Европы, в Германии, в Испании, отчасти в Италии, борьба с Наполеоном об'единила все элементы, черпавшие силы для упорного и многолетнего сопротивления иностранному господству в стремлении к свободе и в национальном чувстве. Правительства всячески поддерживали эти иллюзии.

Но вот наступила победа, и вместо освобождения пришло еще большее рабство, усиление феодального гнета. Тогда отношение к «Пленнику св. Елены» изменилось: он стал казаться последним представителем «свободы», защитником революции; и, несмотря на об'ективную неверность этих представлений, образ «либерального» Наполеона прочно вошел в так называемую наполеоновскую легенду.

Одновременно изменяется и отношение к русскому походу: сохраняется образ героического народа, отстоявшего себя в борьбе с превосходными силами, но возникает героический образ Наполеона, погибающего в русских снегах и снедаемого мечтой о счастье и свободе своего народа. Особенно важно, что это было реакцией не против русского народа, а против русского правительства. А разграничить русский народ и его правительство стало для Запада легко после декабрьских событий 1825 года.

Новым этапом в отношении Европы к русской Отечественной войне стала Крымская кампания 1855 года. Выступление европейской коалиции против России вызвало ряд откликов в художественной литературе. В связи с этим изменилось и отношение к Отечественной войне 1812 года — особенно во Франции, так как Наполеон III, пытаясь одеться в чужую славу, всячески возрождал «наполеоновскую легенду».

Все эти колебания в оценках и точках зрения не меняют основного литературно-психологического значения «русской темы». Мы имеем в виду проблему «русского характера». В XVIII веке ходячее представление о русском характере было не очень лестное. Русская история на Западе была мало известна. Знали только о дворцовых переворотах, сопровождавшихся насилиями и убийствами. На основании этих материалов возникает представление о «коварном» Россе, о русском «варварстве». Русские в воображении Запада близки к полулегендарным «скифам».

Впервые в 1812 году возникает представление о русском народе, представление новое, психологически глубокое, окрашенное в тона подлинного, почти «первобытного» героизма. Проблема русского народного характера начинает играть большую и важную роль в литературе. Русское добродушие, русское самоотвержение, русская преданность долгу входят составными элементами в образ русского характера. Но есть здесь и еще нечто.

Западная литература улавливает в русском национальном характере способность к напряженной внутренней жизни; эта способность обусловливает известную «свободу» от внешних условий, независимость от окружающей обстановки, углубленность в себя, жизнь в мечте, сохранение великих полуосознанных идеалов вопреки вековому рабству. И только в мгновения революционных вспышек, крестьянских восстаний переходит в действие эта затаенная, едва заметная мечта и ломает внешние формы жизни. Западной литературе эта теория дает возможность «оправдать» русский народ. Вековое рабство не властно над ним, оно не смогло исказить его характер, привить ему низменный образ мыслей раба. Его благородство остается незапятнанным под игом царей так же, как и под игом татар.

Это представление о русском характере позволило величайшим французским реалистам Стендалю и Бальзаку создать несколько прекрасных образов (Арманс Стендаля, героиня «Деревенского врача» Бальзака) и вдохновило Роберта Броунинга на замечательную поэму («Иван Иваныч»). Вместе с тем оно обогатило психологическую палитру европейской культуры; позволило литературе глубже проникнуть и уловить особенности, которые прежде не привлекали ее внимания или не были ей доступны.

[1] Так называли Наполеона его политические враги.

В. ШКЛОВСКИЙ

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(ДО «ВОЙНЫ И МИРА»)

Войны начала девятнадцатого века чрезвычайно взволновали русского читателя.

Карамзин в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» писал:

«Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель! Одному моему знакомому случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив чтеца, с великим вниманием слушали описание сражения между Австрийцами и Французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут Московские газеты, хотя четверо не знают грамоте, но пятой разбирает буквы, а другие слушают» («Вестник Европы» 1802 г., № 9, стр. 58, 59).

Но в литературе этот интерес не вызвал сразу ответа.

В книге «Опыты в стихах и прозе», изданной в 1817 году, поэт Батюшков пишет:

«Мы должны предупредить любителей Словесности, что большая часть этих стихотворений была написана... в разные времена, посреди шума лагерей, или в краткие отдохновения воина».

Действительно, это стихи отдыха, в них нет прямого отражения суровой жизни поэта.

Когда неприятель вступил в пределы России, то для составления прокламаций был призван адмирал Шишков, вождь архаистов. Он по-своему справился с задачей не плохо, и его имя оказалось связанным, по словам Пушкина, «с священной памятью 1812 года».

С народом пытался разговаривать граф Ростопчин, выпуская свои афишки. Первого июля 1812 г. явилась первая печатная афишка с изображением вверху питейного дома, целовальника и московского мещанина Карнюшки Чихирина, который, бывши в ратниках и выпив лишний крючок на Тычке, услышал, будто Бонапарт хочет итти в Москву, рассердился; разругал скверными словами всех Французов, вышед из питейного дому, и заговорил, под орлом так...»

Эта питейная народность, нарочно безграмотная, поддерживалась самим именем героя Ростопчина (Чихирь — это дешевое вино).

Афишки Ростопчина остались примером ложной народности.

Гораздо большую роль сыграли романтические стихи Жуковского.

В лагере у Тарутина Жуковский написал стихотворение «Певец во стане русских воинов», полное вдохновенного чувства непрерывности и славного прошлого России.

...Но дух отцев воскрес в сынах,
Их поприще пред нами!
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами!

В то время, как «Певец во стане русских воинов» возглавляет целый цикл стихов о двенадцатом годе, проза запаздывает. Первая книга о войне двенадцатого года имела характер публикации фактов и документов. Сперва появляются коротенькие памфлеты и рассказы по поводу нашествия. Затем выпустил книгу «Исторические Известия о пребывании в Москве французов в 1812 году» князь Петр Шаликов.

В том же году вышел «Памятник французам или приключения Московского жителя П. Ж.».

Вышла даже брошюра: «Сон Бонапарта, виденный им в Париже, в самую ту ночь, когда он расположен был отправиться в Армию, для вступления с оною в Российские пределы, взятый из достоверных сведений».

Многие книги того времени если сами и не имеют литературного значения, то чрезвычайно важны для историка. К таким книгам относится «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 г. Ф. Корбелецким».

Книга эта литературно мало интересна. Сам автор, чиновник министерства финансов Корбелецкий, считает ее только документом, а в качестве литературного ответа на события написал оду, приложенную к книжке.

Вот отрывок оды.

Сколько поднесли Цесарцы,
Что ты мир им даровал?
Много ли взнесли Баварцы,
Что ты Короля им дал?
Сколько, об'яви! с Вестфальцов,
Много ль с прочих робких зайцов
Шкурок ты себе содрал?
Много-ль с городов Ганзейских?
Много-ль с гаваней Остзейских —
Где? когда? и чем бирал?

Вот описание сцены у Дорогомиловской заставы.

«Здесь гордый повелитель Французов, упоенный надеждою своего успеха, останавливается, и при охриплых восклицаниях от покрытых пылью и проголодавшихся солдат: Vive, Napoleon! сошед с лошади, занимает позицию на левой стороне заставы и у самого Камер-коллежского вала, и начинает расхаживать взад и вперед в спокойном расположении духа, точно так, как бы ожидал из Москвы депутации или выноса городских ключей; между тем пехота и артиллерия при игрании музыки открыла шествие свое в город. Но спустя 10 минут, подошел к Наполеону с левой стороны у городского вала какой-то молодой человек в синей шинеле и в круглой шляпе, и поговоря с ним с минуту, пошел в Заставу. Думать надобно, что сей молодец уведомил Наполеона о том, что из Москвы как Российская армия, так и жители все выехали и оставили оную в пусте...

«...Таковая нечаянная весть, казалось, поразила и самого Наполеона, как громовым ударом. Он приведен был ею в чрезвычайное изумление, мгновенно произведшее в нем некоторой род изступления или забвения самого себя. Ровные и спокойные шаги его в ту же минуту переменяются в скорые и беспорядочные. Он оглядывается в разные стороны, оправляется, останавливается, трясется, цепенеет,—щиплет себя за нос, снимает с руки перчатку и опять надевает; выдергивает из кармана платок, мнет его в руках, и как бы ошибкою кладет в другой карман, потом снова вынимает и снова кладет...» (стр. 25).

Это описание детальнее и реалистичнее любого отрывка из прозы того времени.

Обстоятельные мемуары о войне вышли позднее, сначала появляются отрывки. Первыми вышли в 1814—1815 гг. мемуары Штенгеля «Записки касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов Отечества, в 1812 и 1813 годах, с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига».

Здесь поход в Европу заслоняет историю собственно 1812 года.

События следовали за событиями, победы за победами, все лучшие люди были в армии, история создавалась, а не записывалась.

В Москве строились, подсчитывали убытки.

В 1813 году вышла маленькая брошюрка, вряд ли не правительственного издания, под заголовком «Толки Московского коренного жителя о бывших бедствиях сея столицы, или несколько утешительных мыслей для разоренных».

Эта любопытная брошюрка начинает длинный ряд различного рода изданий с разговорами и спорами о пожаре Москвы. Кончается эта полемика книгой Ростопчина «Правда о пожаре Москвы». Книга эта была написана по-французски и в русском переводе вышла в 1823 г.

Доказательства, которые приводит в ней Ростопчин на тему, что не было намерения сжечь Москву, не убедительны.

Двенадцатый год прошел, оставив глубокие следы, и больше в жизни страны, чем в ее литературе. Страна молчала о своей славе. Писать было трудно и по цензурным условиям, и потому, что сознание эпохи еще не могло охватить смысла события. У нас сохранился план драмы Грибоедова из эпохи двенадцатого года.

Привожу конец этого плана, чтобы показать, о чем нельзя было писать.

«СЕЛО ПОД МОСКВОЙ

Сельская картина. Является М. (ополченец-офицер из крепостных). Всеобщее ополчение без дворян (трусость служителей правительства —выставлена или нет, как случится).

Отделение III.

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание Р. и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги М. Множество других сцен.

Эпилог.

ВИЛЬНА.

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М. в пренебрежении у военноначальников. Отпускается во свояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию.

СЕЛО ИЛИ РАЗВАЛИНЫ МОСКВЫ

Прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет ему обрить бороду. Отчаяние... самоубийство».

(А. Грибоедов, т. I, стр. 262, Акад. Библиот. Рус. писат.).

Двенадцатый год определил русскую литературу и прежде всего русский роман.

В 1829 году Загоскин издал роман «Юрий Милославский, или русские в 1612 году», а в 1830 году роман «Рославлев или русские в 1812 году».

Вот что пишет об этом романе декабрист Бестужев:

«Загоскин... далеко не оправдал заносчивых титулов своих романов: «Милославский или русские в 1612 году»—«Рославлев или русские в 1812 году»! Неужели три, четыре черты составить могут картину? Неужели пара помещиков, да пары две офицеров, да один уголок траншеи под Данцигом, могут дать полное понятие о Русских, о войне громового 1812 года?»

Действительно, роман Загоскина главным образом посвящен истории несчастной любви русской женщины к иностранному офицеру. Основное действие и развязка происходят за границей. Одним из главных героев является партизан Фигнер. Фигнер в описании людей его времени вырастает в демоническую фигуру, он почти заслоняет собою Бородинский бой в «Записках артиллериста Ильи Радожицкого» о нем писал Рафаил Зотов, и даже Достоевский, пытаясь показать эпоху 1812 года в рассказе «Отставной», сосредоточил все свое внимание на характере Фигнера *.

В то время Фигнер являлся условной романтической фигурой, которая скорее декорировала двенадцатый год, чем передавала его содержание. Но уже Толстым в «Войне и мире» в фигуре Долохова, соединившего в себе Фигнера и партизана Дорохова, он дан в реалистическом плане.

Многие русские писатели сами были участниками событий 1812 года. Романист Лажечников принимал участие в походе и издал книгу «Походные записки» (1820 г.). Он не был доволен ею и протестовал против вторичного переиздания ее в 1836 году.

Интереснее книга «Рассказы о походах в 1812 и 1813 годах прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Р. Зотова».

Зотов, очень плодовитый романист и драматург Николаевской эпохи, шестнадцатилетним юношей принимал участие в походе. Он нам оставил несколько свидетельств, чрезвычайно важных, в частности свидетельство о роли ополчения, обучавшегося военному делу пять дней и выдержавшего под Полоцком бои с баварцами.

Мемуары Рафаила Зотова гораздо интереснее его романа «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона».

Роман этот вышел с рисунками Галактионова и вызвал сдержанную похвалу Белинского.

Гораздо слабее роман того же автора «Два брата, или Москва в 1812 году». И почти халтурен «Бородинское ядро и Березинская переправа — Полуисторический роман в двух частях».

Записки Зотова, как и записки Радожицкого, поражают точностью описаний.

Лев Толстой в картинах войны часто пользовался не только отдельными чертами этих описаний, но и самым методом видения.

Сам Радожицкий оказался для Толстого прототипом скромного артиллериста Тушина.

В большой литературе война 1812 года в основном осталась не изображенной.

Образ Наполеона заслонял все. Особенно в этом отношении характерен роман Булгарина «Петр Выжигин». Роман написан поляком, который сражался в 1812 году на стороне французов; в романе его есть несколько черт, интересных для историка. Булгарин хорошо описал разорение Москвы, настроение фран-

Окончание см. на 4 стр.

* Первоначально напечатан в «Отечественных Записках» в 1848 году. Переиздан в полном собрании Ф. М. Достоевского. ГИЗ, 1926 г. стр. 542—547.

КРАТКОЕ
ПОВѢСТВОВАНIЕ
о
ВТОРЖЕНIИ ФРАНЦУЗОВЪ
ВЪ МОСКВУ
и
О ПРЕБЫВАНIИ ИХЪ ВЪ ОНОЙ.
Описанное
съ 31 Августа по 27 Сентября 1812 года.
Ф. Корбелецкимъ.
съ присовокупленiемъ
собственнаго его стихотворенiя.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
Въ типографiи Департамента Внѣшней торговли, 1813 года.

Титульный лист книги Ф. Корбелецкого, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1813 году.

ЛЕОНИДЪ,
или
НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
изъ
ЖИЗНИ НАПОЛЕОНА.
ЧАСТЬ I.
съ гравированною виньеткою.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Титульный лист книги Рафаила Зотова «Леонид».

А. РАГОЗИН

НАПОЛЕОНОВСКОЕ НАШЕСТВИЕ В БАСНЯХ КРЫЛОВА

Басня часто живет двойной жизнью. Она дважды аллегорична. Рассказанный в ней анекдот поучает нас установившейся общей морали. И в то же время в басне нередко обнаруживается искусно скрытая сатира.

Мы не знаем, по какому поводу писал свои басни Эзоп. Зато в баснях Крылова, в этом обширном мире простаков, лжецов, плутов и простодушных и лукавых животных нетрудно распознать десятки знакомых лиц.

Война 1812 года всколыхнула всю русскую литературу. В дни тяжелого народного испытания, когда неприятельская армия занимала Москву, было создано множество поэтических произведений. Но над всем, что было написано в стихах в 1812 году, как непревзойденный шедевр возвышаются басни Крылова. Ни торжественные оды, ни язвительные куплеты не несли такого искреннего патриотического ободрения и не имели такого успеха, как басни Крылова.

Одной из первых басен, которыми Крылов откликнулся на военные события, был «Кот и повар». В первый период войны, когда русская армия отступала, уклоняясь от решительного сражения, в стране началось серьезное недовольство действиями Барклая и затем Кутузова. Крылов вместе со всеми осуждал медлительность и нерешительность главного командования. Он пишет басню, в которой под видом кота Васьки изображает Наполеона, пользующегося бездеятельностью командования русской армии. Как известно, эта басня заканчивается словами:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить
попустому,
Где нужно власть употребить.

В октябре 1812 года Крылову уже понятен основной смысл тактической операции русской армии. Он больше не осуждает тактику Кутузова. В знаменитой басне «Волк на псарне» он изображает Наполеона в безвыходном положении. Известно, что посланный Наполеоном генерал обратился к Кутузову с предложением: «Государь мой искренно желает положить предел несогласиям между двумя великими народами, и положить его навсегда». Почти то же самое говорит и пойманный на псарне волк:

Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем
не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий
лад!

По рассказу И. Быстрова, Крылов переслал эту басню Кутузову. После сражения под Красным Кутузов прочел ее своим офицерам. Дойдя до слов конца:

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру
знаю,—

Кутузов снял фуражку и потряс ею над седыми волосами. Впоследствии он неоднократно перечитывал эту басню.

В написанной в том же году басне «Раздел», Крылов осуждает Ростопчина, отказавшегося работать в Ратническом комитете только потому, что возглавлявшийся им московский комитет был подчинен петербургскому. Крылов заключает эту басню словами:

В делах, которые гораздо
поважней,
Нередко от того погибель всем
бывает,
Что чем бы общую беду встречать
дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.

В ноябре 1812 года Крылов печатает в «Сыне отечества» «Обоз». Здесь он уже не только не осуждает Кутузова, но нападает на сторонников решительных и немедленных действий против французской армии. В басне Крылова, подобно этим недовольным, молодая лошадь упрекает старого коня за медленный и осторожный спуск под гору:

Старинная иллюстрация Иванова к басне Крылова «Ворона и курица»

Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится как рак;
Вот чуть не зацепил за камень.
Косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять...»
...Смотреть, так выйдешь
из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет
в тебе уменья!

И после того, как молодой конь, «пустившись со всех четырех ног», свалил телегу в канаву и перебил все горшки, Крылов заключает:

Как в людях, многие имеют
слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой
нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

В начале 1813 года Крылов откликнулся на неудачу адмирала Чичагова, выпустившего Наполеона под Березиной. Чичагов возбудил тогда против себя всеобщее негодование. Его открыто обвиняли в измене. Крылов не считал его изменником, но обвинял в полнейшей бездарности. Вот, например, его эпиграмма на Чичагова:

...Русскую страну господь спасая,
Кутузовым сменить благоволил
Барклая,
А чтобы русской нос не слишком
поднимал,
Бог Адмирала дал.

Крылов посвятил Чичагову басню «Щука и кот», начинающуюся словами:

Беда, коль пироги начнет печи
сапожник,
А сапоги тачать пирожник.

Война закончилась. Множество людей осталось без средств к существованию. В стране начался сбор пожертвований. Нашлось не мало «благотворителей», которые хвастливо кричали повсюду о своем великодушии. Крылов выступает против них с басней «Добрая лисица». Эту басню он заканчивает словами:

Кто добр поистине, не распложая
слова,
В молчаньи тот добро творит;
А кто про доброту лишь в уши
всем жужжит,
Тот часто только добр насчет
другого.

После свержения Наполеона судьбы Европы решались на Венском конгрессе. Но победители не могли между собой договориться. Австрия боялась Пруссии, Англия боялась России. Французские дипломаты искусно воспользовались этими разногласиями. Дело закончилось тем, что Англия и Австрия заключили с Францией тайный договор против России. Крылов откликнулся и на эти события. В напечатанной в 1815 году басне «Собачья дружба» он рассказывает, какими сладкими дружескими речами обменивается Полкан с Барбосом. Но...

Тут повар на беду из кухни
кинул кость.
Вот новые друзья к ней взапуски
несутся:
Где делся и совет, и лад?
С Пиладом мой Орест грызутся, —
Лишь только клочья вверх
летят...

Знаменитый русский баснописец сумел в остроумной и доступной самым широким массам читателей форме откликнуться на важнейшие события великой войны. Он поднимал бодрость, разоблачал болтунов, издевался над бездарностями, воспитывал любовь к родине. Не подлежит сомнению, что его басни относятся к числу наиболее талантливых и самых популярных произведений во всей литературе, созданной войной 1812 г. Пушкин заслуженно называл его «истинно народным поэтом».

А. ГРУШКИН

Героизм народных масс и великий русский поэт

Отечественная война 1812 года не раз привлекала внимание великого национального поэта. С ней связаны были для Пушкина волнующие воспоминания его отроческих лет. Недаром в стихотворении 1836 года «Была пора, наш праздник молодой...» Пушкин с воодушевлением остановился на «грозе двенадцатого года», под величавый грохот которой мужал и сам поэт и его лицейские друзья — будущие декабристы, —

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями проща-
лись,
И в сень наук с досадой возвраща-
лись,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена срази-
лись,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега[1].

Об огромном прогрессивном влиянии героических событий 1812 года на умы подрастающего поколения свидетельствуют в своих воспоминаниях непосредственно общавшиеся с Пушкиным декабристы И. Д. Якушкин и ближайший друг великого поэта И. И. Пущин. Пламенное стремление к освобождению родины от иноземных цепей влекло за собой желание видеть Россию свободной и от внутреннего врага — язвы крепостничества, бездушного произвола царских сатрапов. Ненависть к «кичливому врагу», грозившему национальной целости России, у лучших русских людей 20-х гг. соединилась с ненавистью к мертвящему аракчеевскому режиму, ко всем поработителям великого русского народа.

Глубоко прочувствованные строки посвятил Пушкин событиям двенадцатого года и в своем бессмертном романе «Евгений Онегин», так удачно названном В. Г. Белинским «энциклопедией русской жизни». Величавым пафосом проникнуты строки, в которых поэт говорит о героическом порыве народных масс, задержавшем шествие врага:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою...[2]

Восхищение вызывает у Пушкина галлерея полководцев двенадцатого года, та «палата» Зимнего дворца, где поэт видит вместо «золота и бархата», вместо опостылевшего ему придворного блеска

«...плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной от-
ваги»[3].
(«Полководец», 1835 г.).

Стихотворение «Полководец» — это не только восторженный гимн в честь наиболее талантливых

...«начальников народных наших
сил,
Покрытых славою чудесного по-
хода
И вечной памятью двенадцатого
года»[4], —

это также обвинительный акт по адресу русской аристократии, бездарной придворной верхушки, не умеющей ценить подлинно достойных сынов своей родины, это повествование о незаслуженно гонимом полководце Барклае де Толли.

В пушкинской прозе событиям двенадцатого года посвящен неоконченный рассказ «Рославлев», написанный в плане непосредственной полемики с одноименным романом Загоскина.

Рассказ «Рославлев» («Отрывок из неизданных записок дамы») до сих пор не получил должной историко-литературной оценки, и по поводу этого произведения существуют самые путаные представления.

На самом деле «Рославлев» Пушкина был направлен целиком против официозной реакционно-шовинистической концепции Загоскина.

Основной целью последнего было стремление показать, что 12-й год был ознаменован героизмом, в первую очередь, русского дворянства, основными чертами которого Загоскину представлялись «непоколебимая верность престолу, привязанность к вере предков и любовь к родимой стороне»[5]. Правда, и Загоскин не мог скрыть, что русское дворянство накануне отечественной войны «чрезмерно» увлекалось «заморскими» модами и обычаями и проявляло изрядное равнодушие к судьбам отечества. Но он об'ясняет галломанские увлечения русского барства лишь временным, случайным заблуждением. Один из положительных персонажей его романа, резонерствующий купец, олицетворяющий у Загоскина народную мудрость, хотя и ополчается против галломанских причуд московского барства, но считает нужным прибавить:

«Спору нет, батюшка! если дело до чего дойдет, то благородное русское дворянство себя покажет — постоит за матушку святую Русь»[6].

В ином свете изображает предвоенные настроения русского дворянства Пушкин:

«Все говорили о близкой войне и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражание французскому тону времен Людовика XV было в моде. Любовь к отечеству казалась педантством. Тогдашние умники превозносили Наполеона с фанатическим подобострастием и шутили над нашими неудачами. К несчастию, заступники отечества были немного простоваты; они были осмеяны довольно забавно и не имели никакого влияния. Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходками противу Кузнецкого моста и тому подобным. Молодые люди говорили обо всем русском с презрением или равнодушием и, шутя, предсказывали России участь Рейнской конфедерации. Словом, общество было довольно гадко»[7].

По этому описанию никак нельзя предвидеть, что если «дело до чего дойдет, то благородное русское дворянство себя покажет — постоит за матушку святую Русь», как уверяет загоскинский купец, а с ним и сам Загоскин. Те, кто говорят «обо всем русском с презрением» и «шутя» предсказывают своей родине «участь Рейнской конфедерации», т. е. участь колонии Бонапарта, послушной марионетки в его руках, — непохожи на будущих защитников отечества. Загоскин говорит о галломании своих соотечественников с досадой, но сохраняет к ним благожелательное отношение. Пушкин об этой же среде говорит не с благодушной улыбкой, а со злобой: «общество было довольно гадко». «Гадкое» общество вызывает у него сарказм, оно ему чуждо и он не находит для него оправдания.

Описание событий 12-го года в пушкинской повести также противостоит загоскинскому, выдвигавшему на первый план доблести «благородного русского дворянства». Вспомним пушкинское описание.

«...народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули»[8].

Какое характерное сочетание! «Народ ожесточился» — чувствуется нечто серьезное, значительное, напоминающее то «остервенение народа», о котором речь идет в X главе «Евгении Онегина». Что же касается аристократов, то они реагировали на самую войну так же, как раньше реагировали на ее подготовку: мелко, пошло. Они прежде всего «присмирели» и «вструхнули».

Поведение русской аристократии во время отечественной войны Пушкин рисует в самых карикатурных красках.

«Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами; кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита, а принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни»[9].

Каким убийственным сарказмом дышат эти портреты аристократических «патриотов», кричащих о Пожарском и Минине и проповедующих «народную войну», собираясь в то же время «на долгих отправиться в саратовские деревни»!

В противовес Загоскину Пушкин показывает, что «любовь к родимой стороне» в наиболее критический для отечества момент у русского дворянства отсутствовала, что в 12-м году «благородное» дворянство держало себя позорно, подло.

«Рославлев» Пушкина был доказательством того, что для гениального поэта и преданнейшего патриота великий народ отнюдь не отожествлялся с привилегированным сословием, что это сословие фактически исключается из семьи великого народа, когда подводятся итоги Отечественной войны. Жалкой и трусливой «светской черни», легко переходящей от дешевого презрения к своей родине, от рабского преклонения перед внешними сторонами западной культуры к трескучему, крикливому шовинизму, в повести Пушкина противостоит «добрый, простой народ», умеющий «отстоять свою голову» от вражеских покушений.

Таким образом, в отношении Пушкина к войне 1812 года сказалась та вера в русский народ, в его прекрасные качества, в его способность к мужественной борьбе с угнетателями, та вера в героизм народных масс, которая определяла в 30-е годы основные линии творческого пути великого национального поэта.

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., в шести томах, Гос. изд. «Художественная лит-ра», М., 1936, т. II, стр. 265.

[2] «Евгений Онегин» гл. VII. Пушкин. Полное собр. соч., изд. А. Н. СССР, 1937 г., т. VI, стр. 155.

[3] Полн. собр. соч. в шести томах, Гос. изд. «Художественная лит-ра», М., 1936, т. II стр. 232.

[4] Там же.

[5] «Рославлев» или «Русские в 1812 году», соч. М. Загоскина, Москва, 1831 г. Предисловие автора.

[6] Там же, ч. I, V, стр. 136.

[7] А. С. Пушкин, Полное собр. соч. в шести томах, т. IV, «Academia», Л.-М., 1936, стр. 120—121.

[8] Там же, стр. 121.

[9] Там же.

Торжественное собрание в Ленинграде

По телефону от нашего корреспондента

В стодвадцатипятилетнюю годовщину Бородинского сражения в большом конференц-зале ленинградских учреждений Академии наук СССР состоялось торжественное заседание.

Собрание открыл академик Греков, очертивший историческое значение Бородинского боя. Русский народ показал, на что он способен, защищая свою родину.

На заседании был заслушан ряд докладов и специальный военный разбор Бородинского боя, одного из величайших сражений в истории войн.

К сожалению, об'явленный в программе заседания доклад на тему «Война 1812 года и Бородинское сражение в художественной литературе» не состоялся. Приходится сожалеть, что Институт литературы не счел нужным участвовать и в выставке, развернутой в конференц-зале ленинградских учреждений Академии наук СССР.

На выставке много любопытных экспонатов показал Ленинградский артиллерийский исторический музей РККА.

Были выставлены знамена воинских частей, участвовавших в Бородинском бою, а также трофейные знамена, захваченные русскими у наполеоновской армии.

В витринах можно было увидеть портфель и часы фельдмаршала Кутузова, бювар Наполеона, саблю, подаренную Мюратом Людовику Бонапарту (брату Наполеона), пулю, которой был ранен генерал Раевский, саблю Ермолова, кольцо Милорадовича и т. д. Экспонировались также редкие издания о войне 1812 г. и интересные документы из архива Академии наук СССР: подлинник рапорта о смерти Багратиона, «Прибавления» к № 71 «Санкт-Петербургских Ведомостей» от 3 сентября 1812 года (старый стиль), в которых впервые было напечатано донесение М. И. Кутузова от 27 августа (старый стиль) о результатах Бородинского боя: «...все войска не только не уступили ни одного шага неприятелю, но везде поражали его с уроном с его стороны...»

*

Страницы героического прошлого России хочет знать великий народ Страны Советов, готовый дать сокрушительный отпор всякому, кто посягнет на могущество социалистической родины.

Некоторые ленинградские организации запаздывают с открытием своих выставок. В частности, давно задуманная выставка в Государственном университете им. Бубнова откроется только в конце месяца.

В публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина есть много интересных экспонатов, относящихся к кампании 1812 г. и к Бородинскому бою. Но библиотека почему-то не показала их тысячам своих читателей.

ЮР.

Беседы с Наполеоном

Издательство «Academia» подготовляет к печати перевод «Памятных записей с острова св. Елены» Лас-Каза.

Лас-Каз — офицер Наполеона, последовавший за ним в изгнание на остров св. Елены, где он пробыл полтора года. Изо дня в день Лас-Каз записывал беседы с Наполеоном, а также свои впечатления и наблюдения.

Опубликованные после смерти Бонапарта записи Лас-Каза явились как бы первым камнем огромного здания литературы о Наполеоне. Эти записи содержат рассказы Наполеона о различных военных кампаниях, его высказывания о политических учреждениях и общественном строе, об экономической политике и законодательстве империи.

Лас-Каз с большой тщательностью фиксировал в своих дневниках рассуждения Наполеона о Французской революции, ее деятелях, о литературе, науке, в частности истории, и т. п.

Любопытны воспоминания Наполеона о войнах с Россией и его восторженный отзыв о солдатах русской армии.

Наполеон лично просматривал и исправлял записи в дневнике Лас-Каза. На русский язык этот документ переводится впервые.

В. ШКЛОВСКИЙ

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(ДО «ВОЙНЫ И МИРА»)

Начало см. на 3 стр.

цузской гвардии перед Москвой, но русский солдат для него не интересен, он изображает его неохотно, разбивая для оживления официальные сообщения на реплики.

Интереснее книги «русского инвалида» — Ивана Скобелева, однодворца, выслужившего офицера и проведшего войну 1812 года в чине капитана. Его описания даны в форме писем, как это было принято в тогдашней литературе.

«Из мертвых можно складь костра три, саженей в пять каждый. Если бы начальники и не уверяли, что победа наша, так на то у нас были глаза, чтобы видеть подле каждого одного Русского покойника двух убитых бусурманов; все Бородинское поле так устлано, что посмотреть ужасть! море морем; вершка земли не осталось, чтобы не лежал человек, аммуниция, или чтоб не было запекшейся крови. Жаль, брат, что эти Французы нехристи и что они у чернокнижника в лапах; а народ, сказать правду, храбрый, как комары, так в глаза и лезут» («Переписка русских солдат, или Подарок товарищам к 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым». С. Петербург 1833 г.).

Подготовка к юбилею 1837 года подняла новую волну интереса к 1812 году.

Через историю спорили с современностью.

Шел спор о том, во имя чего был побежден Наполеон.

Бестужев писал: «Русь везде простирала меч свой, между деспотизмом Наполеона и правами народов, которым грозил он». (Собрание сочинений, т. IX, стр. 289).

Лучшие русские люди считали, что их страна защищала в 1812 году право народов на свободное существование.

Пушкин посвящает номера своего «Современника» пересмотру истории 1812 года.

Он хотел ответить романом на роман Загоскина.

Но писать в цензурных условиях было чрезвычайно трудно. Пушкин рассовывал материал, прятал его.

Во втором томе «Современника» он напечатал записки Дуровой.

В том же втором томе шла рецензия на книгу Маршане «Наполеон и Юлий Цезарь», разбор поэмы Эдгара Кине «Наполеон». В третьем томе «Современника» шло стихотворение Пушкина «Полководец», статья Давыдова о партизанской войне, отрывок из романа Пушкина «Рославлев». В четвертом томе шли об'яснения по поводу стихотворения «Полководец» и заметка об отдельном издании «Записок Дуровой».

Центральное место в «Современнике» занял отрывок из рукописи «Кавалерист — девица». К этой рукописи Пушкин отнесся чрезвычайно внимательно. Он обсуждал с автором заглавие, сам хлопотал в цензуре.

Книга эта на самом деле представляет собой большой литературный интерес.

Девица Дурова поступила в кавалерию и участвовала в сражениях.

Приведу отрывок из второй части книги:

Дурова едет на разведку.

«К деревне примыкал обширный луг, виднелась речка, за нею несколько мелких перелесков. Приказав уланам итти с лошадьми на луг, я осталась одна в покинутой деревне и, привязав лошадь, пошла осматривать опустевшие жилища. Что-то было страшного видеть все двери отворенными, везде царствовал мрак, тишина и запустение, ничто не было заперто: конюшни, сараи, анбары, кладовые и дома—все было растворено! На дворе однако ж ходили, лежали, стояли коровы, овцы и сидели гуси стадами; бедные гуси! Ах, как мне стыдно писать это! Как стыдно признаваться в таком бесчеловечии! Благородной саблей своей, я срубила голову неповинной птицы!! Это была первая кровь, которую пролила я во всю мою жизнь. Хотя это кровь птицы, но, поверьте вы, которые будете когда-нибудь читать мои Записки, что воспоминание о ней тяготит мою совесть!... («Кавалерист—девица». СПБ. 1836 год, часть II, стр. 79).

Вещь Дуровой—первое реалистическое описание войны в русской литературе.

В общем итоге о 1812 годе в «Современнике» напечатано не так много, но надо принимать во внимание, в каких условиях это печаталось. Вот черновое письмо Пушкина. Оно служит ответом на письмо Давыдова от 18 мая 1836 г.

В письме Давыдов жаловался на то, что «немецкая ведьма особого рода» защищает немцев и не позволяет писать правду об их роли в войне 1812 года. Дело шло о генерал-лейтенанте Винценгероде. Вот ответ Пушкина:

«Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде нежели ее не напечатают, ибо она есть цесурный документ. Успеешь (нарадоваться), наглядеться на ее благородные раны.

Покамест благодарю за позволение напечатать ее (и в этом) и в настоящем ее виде. (Черт побери Генерал-Лейтенанта Винценгероде!). А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № (Напол. Тут у меня его) Соврем., который у меня весь полон Наполеоном! куда бы кстати тут же было (принести ему в жертву) заколоть у подножия Вандомской колонны (Шмерца) Генерала Винценгероде как жертву примирительную. (Вырвался проклятый) я было и рукава засучил! Вырвался проклятый». (Соч. Пушкина. Изд. «Акад. наук». Переписка под редакц. и с примеч. В. И. Саитова. т. III (1833—1837). С. Петербург, 1911).

Тем с большим вниманием мы должны отнестись к той борьбе за славу Барклая-де-Толли, которую вел Пушкин.

Иностранная фамилия оказала Барклаю плохую услугу.

Его—потомка шотландцев—считали немцем, потому что дед его был бургомистром в Риге.

Этот человек нес в истории ответственность за работу придворных немцев.

Пушкин заступился за него с необыкновенной горячностью и силой.

Пушкин описывает галлерею 1812 года.

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше.
С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним,
и не свожу
С него моих очей...
...О вождь несчастливый! Суров
был жребий твой!

Существует предположение, что и стихотворение Лермонтова:

«Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
относится к Барклаю-де-Толли.

Хронологически это стихотворение предшествует одному из лучших стихотворений поэта «Бородино».

Время Николая не гордилось 1812 годом.

К этому времени относится распространение мнения, что мороз, а не русский народ победил Наполеона.

Против этого мнения очень убедительно выступал Денис Давыдов.

Мемуаристы доказали нам, что русская армия была одета не лучше французской, русским офицерам тоже приходилось надевать муфты на голову.

С точки зрения царя Николая Бородино было проведено неправильно и он даже устроил маневры на Бородинском поле, сам стал на то место, где когда-то стоял Кутузов и в результате маневров взял в плен воображаемого Наполеона.

Спор о двенадцатом годе проходит через всю нашу литературу.

Гоголь изобразил в Бетрищеве, герое «Мертвых душ», генерала Отечественной войны.

В бумагах Гоголя сохранились выписки из истории 1812 года, здесь он использовал, главным образом, материал истории Финляндского егерского полка.

Тентетников в разговоре с генералом Бетрищевым сказал, что не генералы, а народ победил в 1812 году.

Чичиков ничего не понял и произнес что-то о страшных морозах 1812 года.

Генерал резко оборвал его.

Здесь Гоголь нарочно вложил в уста пошляка Чичикова мысль о том, что Россию спасли не мужество и патриотизм великого русского народа, а трескучие морозы.

Длинная цепь вещей о 1812 годе и спор о нем как бы заканчиваются романом Толстого «Война и мир».

Толстой первый понял своеобразие этой войны, художественно изобразил ее народный характер и передал в романе ощущение национальной полноценности.

Невероятным срывом после Толстого кажутся исторические романы, подымающие ту же тему.

После Толстого писал о 1812 годе Г. Данилевский, Д. Мордовцев.

Про них можно сказать словами Толстого, что барьер старой доблести для них был так высок, что они не перешли через него, а подлезли под него.

Наше время должно дать новое, полное освещение 1812 года.

Обложка книги «Переписка русских солдат в 1812 году или Подарок товарищам, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым»

ЧТО ЧИТАЛ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В библиотеке Государственного Литературного Музея хранится несколько книг с пометками: «Из равелина».

Надписи эти сделаны А. Н. Пыпиным, историком литературы, отмечавшим те книги, которые он посылал для чтения заключенному в Алексеевском равелине Н. Г. Чернышевскому.

Даже по этим немногим книгам можно судить, насколько разнообразны были литературные интересы Чернышевского.

Ему в заключение посылались появлявшиеся на книжном рынке новинки:

Физиологические письма Карла Фохта, С.-Петербург, 1863—1864, выпуски I и II;

Стихотворения Н. Некрасова, издание третье, Санк-Петербург, 1863;

Стихотворения А. А. Фета, издание К. Солдатенкова, Москва, 1863, ч. I-II.

В «Летописи жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», составленной Н. М. Чернышевской-Быстровой, относительно стихотворений Некрасова высказана неуверенность, в каком издании были они у Чернышевского в Петропавловской крепости.

По нашему экземпляру видно, что в первом издании.

Из иностранных авторов, которых читал Чернышевский в Петропавловской крепости, в библиотеке Литмузея хранится четыре книги — из серии «Collection of British authors». Это — Ч. Диккенс — «История двух городов», 1859 г.; Гаскелль — «Жизнь Шарлотты Бронте»; Д. Стерн — «Сентиментальное путешествие», 1861 г.; Д. Стерн — «Жизнь и суждения Тристрама Шэнди», 1849.

Д. АРСКИЙ.

О ПЕСЕННОМ ЖАНРЕ

На секретариате ССП СССР

Заседание секретариата союза советских писателей 8 сентября открылось сообщением т. Ставского о работе литературно-художественных журналов с писательским активом.

В печати и на писательских собраниях не раз отмечалось, что журналы плохо работают с авторами, что редакции до сих пор не сумели стать творческими центрами для писателей. Не созданы коллективы, которые активно участвовали бы в текущей жизни журналов, в которых писатели обменивались бы опытом своей работы, помогали бы друг другу создавать великую социалистическую литературу.

Такое положение дальше нетерпимо.

Секретариат ССП предложил редакциям журналов собрать активы своих писателей, чтобы обсудить планы номеров, которые будут посвящены 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Это решение секретариата должно явиться первым звеном большой работы литературных ежемесячников со своими авторскими коллективами.

★

Секретариат заслушал сообщение т. Демьяна Бедного о песенном жанре.

Докладчик справедливо упрекал литературную критику в равнодушии к вопросам создания массовой песни.

— Критики не заметили, что песня стала у нас одним из ведущих жанров. Время такое. Эпоха такая. Все хотят петь. Потребность в песне колоссальная. На песни большой спрос. Однако критики этого не замечают, поэтам, работающим над песней, не помогают.

Демьян Бедный, останавливаясь на недостатках современных песенных текстов, говорит, что очень многие наши песни не мелодичны, их трудно петь. Он призывает поэтов учиться песенному мастерству у народа, создавшего замечательные по своей ритмике произведения.

— И есть еще один фронт,— говорит т. Демьян Бедный,— мимо которого мы проходим. Это плакаты. Почему-то никто из писателей не пишет тексты для плакатов. Между тем плакат, как и песня, один из наиболее массовых видов литературы и искусства.

Поэты не могут и не должны игнорировать этот жанр.

А. Сурков присоединился к положениям Демьяна Бедного. По его мнению, массовая песня совершенно выпала из поля зрения литературных критиков и руководящих работников правления ССП СССР. Критики не замечают ее, обходят молчанием даже тогда, когда пишут статьи и обзоры о творчестве поэтов, долго и плодотворно работающих над песней.

О песенном жанре за 20 лет советской власти в печати появилось всего две статьи, причем одна из них написана самим А. Сурковым.

Равнодушие критиков, замалчивание ими работы поэтов над песней дали печальные результаты: некоторые крупные поэты, создавшие в прошлом ряд хороших, популярных песенных текстов, в последние годы песен не пишут.

Секретариат предложил секции поэтов обсудить вопросы создания массовой песни.

«Литературной газете» и редакциям литературно-художественных журналов предложено развернуть широкое обсуждение проблем песенного жанра.

★

В связи с появившейся в «Комсомольской правде» статьей С. Трегуба о пьесе И. Вершинина и М. Рудермана «Победа», авторы пьесы подали в Секретариат ССП заявление, в котором протестуют против недопустимого, по их мнению, тона рецензии.

Секретариат поручил секции драматургов разобрать, совместно с представителями Комитета по делам искусств, заявление молодых драматургов. С своей стороны т. Ставский, не касаясь существа пьесы и оценки, данной Трегубом, отметил, что самый тон статьи т. Трегуба весьма резок. Рецензии такого характера не помогают писателю, а чаще всего отбивают у него желание работать.

А. С. Новиков-Прибой в гостях у черноморских моряков

А. С. Новиков-Прибой ежегодно навещает славные корабли нашего героического Красного флота. На Черном море, в Балтике, на миноносцах, в штабах, в доках, — повсюду у Алексея Силыча друзья. Это люди, которые помогают писателю в его творческой работе.

В начале августа А. С. Новиков-Прибой поехал в гости к черноморским краснофлотцам.

Надо было собрать материал для второй части романа «Капитан первого ранга», над которым усиленно работает писатель. Первая часть книги почти закончена, в ней рассказывается о матросе Псалтырев — вестовом капитана первого ранга, офицера старого царского флота. Вторая часть романа посвящена истории Псалтырева, ставшего после революции капитаном первого ранга на одном из кораблей военного флота нашей цветущей родины.

Проводя целые дни на военных кораблях, встречаясь с краснофлотцами и командирами, горячо интересуясь повседневной жизнью, боевой подготовкой и учебой флота, А. С. Новиков-Прибой делает десятки записей и заметок в своем блок-ноте, запоминает острые словечки, впитывает в себя обстановку, характеры, черты краснофлотцев.

За время пребывания в Одессе писатель провел несколько творческих вечеров — во Дворце моряка, в залах Лермонтовского и Аркадьевского курортов, в Доме ученых.

Одной из интересных встреч А. С. Новикова-Прибоя в Одессе была встреча с участником цусимского боя т. С. Литуном, служившим в то время в эскадре Рождественского машинистом на госпитальном судне «Орел».

Старый цусимовец поддерживает с писателем дружеские отношения. Года два назад т. Литун передал Алексею Силычу свой дневник, который он вел в дни своей службы на «Орле». Особенно интересен последний подарок т. Литуна писателю. Это записи прапорщика крейсера «Изумруд» — Шандренко.

— Если бы офицеры «Изумруда» знали о том, что было написано в этой пожелтевшей тетради, они бы растерзали прапорщика Шандренко, — говорит Алексей Силыч.

Благодаря дневнику прапорщика Шандренко появилась целая глава о гибели судна «Изумруд» для нового издания «Цусимы», которое скоро выйдет в ряде наших издательств.

В середине сентября А. С. Новиков-Прибой возвращается в Москву.

Ю. Ар.

П. ЛЕБЕДЕВ

Искусство свободного народа

★

Всесоюзная выставка народного самодеятельного искусства

★

Яркая, свободная жизнь народов Советского Союза, их борьба за социализм рождают новые характеры, взгляды, чувства. И если художники действительно связаны с народом, с его борьбой и его победами, они в своем искусстве неизбежно выразят идеи и чувства своего народа.

Выставка народного изобразительного искусства, организованная Всесоюзным комитетом по делам искусств, свидетельствует об исключительном росте самодеятельного изобразительного искусства в СССР.

Картины, скульптура, графика, аппликация, вышивка — все это создавалось руками представителей самых различных национальностей, профессий и возрастов.

По своему содержанию, по искренности и правдивости, по способу решения своих тем выставка стоит значительно выше целого ряда выставок художников-профессионалов. Она отличается большой содержательностью, разнообразием тем, охватывающих все стороны нашей действительности.

Доклад товарища Сталина о новой Конституции, героические полеты советских летчиков на Северный полюс и в Америку — все эти события вдохновляют художников самодеятельного искусства и находят свое художественное отражение в их творчестве.

Народные художники не страдают суб'ективизмом и «ячеством», свойственными многим профессионалам, для которых тема является лишь поводом «проявить себя». Для художника из народа тема, за которую он берется, существует об'ективно, реально, и он старается выразить ее со всей тщательностью и правдивостью. Для народного художника важно выразить существо явления, а не импрессионистические случайности, рождающиеся в смутном воображении суб'екта-художника. Картина является для него результатом длительного, весьма тщательного изучения того, что он изображает. Он вкладывает в свое произведение все свои чувства, искренность и непосредственность. Было бы ошибкой считать такие произведения законченными произведениями искусства. В них мы находим больше искренности, нежели умения. Овладение мастерством — такова задача, стоящая перед народными художниками.

Связь с интересами народа, простота, искренность, смелость выдумки являются самыми характерными чертами творчества народных художников.

Значительное место в искусстве народа занимает образ вождя мирового пролетариата товарища Сталина. Товарищу Сталину на выставке посвящено несколько интересных полотен: Титова, Иванова, Семенова, Пономаренко и др. В смысле мастерства они находятся на разном уровне, но всем им свойственно стремление выразить наиболее полно образ вождя. Художник Иванов изобразил товарища Сталина во весь рост на фоне плодородной земли. Однако художник не справился целиком с своей трудной задачей, так как слабо еще владеет колоритом. Большой простотой и правдивостью отличается портрет товарища Сталина, исполненный Титовым; хороший портрет товарища Сталина написал также Пономаренко. Художник Семенов написал интересную картину на тему: «Побег товарища Сталина из ссылки».

Заслуживают внимания скульптурные портреты Жаржевского: Пушкин, Николай Островский, Горький. Несколько слащаво изображен Чапаев в скульптуре Спичака. Реалистический, законченный по мастерству портрет Домны Карпушкиной художника-колхозника Сысоева создает превосходный образ колхозницы.

Видно, что художник хорошо изучил свою натуру, и потому его рисунок уверен, строг и реалистичен. Портрет Сысоева значительно лучше многих крестьянских портретов наших признанных мастеров.

Значительное место на выставке занимают картины, отражающие борьбу народа, отстаивающего свои завоевания. Всеобщее внимание привлекает большая картина 24-летнего чуваша Богаткина «Чапаев в бою». Красная конница во главе с Чапаевым настигла группу белых, отступающую в паническом ужасе. Художник показал уменье изобразить весьма сложную массовую сцену, уверенное владение рисунком. Картина захватывает своим реализмом и эмоциональностью. Она напоминает о героических днях гражданской войны, говорит о будущих схватках с врагами, о том, что враг, который посмеет напасть на нас, будет уничтожен.

Необходимо отметить ряд других картин на оборонную тему: «На страже советских границ» Сорокина, «Тревога» Каталымова, «Удачный выстрел» Федорова.

Удачную картину написал Сереженко «Пасионария ведет в бой». Героическая женщина испанского народа показана на передовых позициях ожесточенной борьбы с фашистами и интервентами. На фоне развевающегося красного знамени художник умело изобразил мужественное лицо Пасионарии, зовущей к борьбе.

Большое место в творчестве народных художников занимают героические подвиги наших летчиков. И в этих темах стараются художники понять смысл событий, передать их значимость и обнаруживают большую искренность («Сталинские птицы» — Тураев, «Зимовщики на Северном полюсе» — Михальцов).

Несколько полотен на выставке посвящено Сталинской Конституции. Самым удачным из них, одной из лучших картин выставки является картина Полякова «Семья рабочего слушает речь товарища Сталина о проекте Конституции». Эта картина пользуется у зрителя заслуженным успехом.

Небольшая комната, вся семья стеснилась вокруг стола; все с волнением, напряженно слушают. Поляков владеет композицией, он сумел разместить людей и предметы так, чтобы подчеркнуть серьезность и торжественность момента. В творчестве Полякова нет и намека на импрессионистическую случайность, здесь все четко и убедительно. Уверенный, крепкий рисунок, сдержанный, ровный колорит.

Необходимо отметить любовное отношение народных художников к природе.

Обращает на себя внимание картина Бакланова «Девушки». Профессионалы от искусства скажут, что в картине много недостатков. И действительно, недостатков в картине не мало, но картина эта радует свежестью, простотой и непосредственностью. Бакланов изобразил четырех стройных девушек, стоящих в поле в траве и цветах. Ясное, весеннее небо, вокруг расстилается весенняя земля. Девушки в прекрасном настроении, и все вокруг них наполнено радостью.

Полные жизни картины написаны Богдановым — «Река Ангара в январе», Госом — «Спуск нового ледокола», Стеценко — «На берегу реки» и др.

Из скульптурных работ следует отметить: «Голову мальчика» — Банчука, «Уборку урожая» (дерево) — Терентьева, «Узбечку с виноградом»—Павлова.

Выставка вызывает совершенно законный вопрос: что будет дальше с представленными на ней талантливыми художниками? Сумеют ли они подняться на более высокий уровень в своем творчестве? Вопрос этот возникает потому, что подобные выставки у нас в прошлом были не раз. Всесоюзный комитет по делам искусств должен наладить повседневную помощь народным художникам. Одним из мероприятий в этом направлении явилось бы создание в Москве постоянной выставки самодеятельного изобразительного искусства.

ОРГАНИЗОВАТЬ ВЫСТАВКУ РАБОТ В. В. МАЯКОВСКОГО

При рассказе о Маяковском остро ощущается необходимость в хорошей иллюстрации, стимулирующей чтение его лучших произведений. Для экскурсий, особенно школьных, большую роль должен играть хорошо оформленный текст стиха. Выставка может наглядно показать биографию поэта, облегчить изучение его лаборатории, ознакомить широкие массы с работой Маяковского для театра и кино.

Стихи и рисунки для знаменитых «окон» Роста и Главполитпросвета, производственные лозунги для Электрозавода, санитарные, профсоюзные, противопожарные и другие агитработы Маяковского требуют демонстрации.

Книга не может полностью ознакомить читателя с работой Маяковского-художника. Полемика поэта, его литературные бои: статьи, диспуты, «олимпиады» — весь этот двадцатилетний «разговор-доклад» о поэзии с исключительно острыми вопросами аудитории и молниеносной репликой поэта— мертвы в книге. Замечательные афиши о выступлениях Маяковского, десятки тысяч разнообразнейших записок, поданных ему на всевозможных клочках бумаги, многочисленные карикатуры и эпиграммы, фотопортреты и воспоминания участников этих диспутов, стенограммы выступлений и тезисы докладов Маяковского—лучше всего дать на выставке. Здесь они оживут и заговорят.

Маяковский понимал все это и организовал в 1930 году выставку «20 лет работ». Маяковский придавал этой выставке большое значение и почти ежедневно беседовал с посетителями, широко используя собранные материалы. Никто, конечно, не станет отрицать права «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» и сегодня продолжать свой рассказ «о времени и о себе».

Выставки работ В. В. Маяковского находятся сейчас в Государственном литературном музее в Москве и в Доме писателя им. Маяковского в Ленинграде. Но масштаб выставок не соответствует об'ему и значению работы поэта.

Коллекция Литературного музея, в основном собранная самим поэтом, совершенно исключительна по богатству и силе воздействия экспонатов. Демонстрируется же только не больше десяти процентов имеющихся материалов. Ни помещение, ни штат, ни средства не дают возможности музею полно представить творчество поэта социалистической революции.

Библиотека-музей им. Маяковского в Москве также не может отвечать требованиям, которые Маяковский пред'являл к своей выставке. Ни задачи мемориального музея, ни характер имеющегося помещения не позволяют библиотеке-музею разрешить эти вопросы.

Требование предоставить под выставку Маяковского соответствующее помещение было внесено в свое время в наказы Моссовету многими районами столицы. Требование это остается в силе и на сегодня. Необходимо только приступить к его выполнению. В третий пятилетний план Моссовету нужно включить постройку специального здания для выставки работ В. В. Маяковского или переоборудование для этой цели одного из имеющихся помещений.

Каким условиям должно отвечать такое здание?

Маяковский писал не для «альбома тети», а для площадей Революции. Его стихи печатали «Правда», «Известия ВЦИК», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда» и десятки других газет. Читатель Маяковского — это почти все население нашего Союза. Литературная продукция Маяковского не умещается в 14 больших томах собрания его сочинений.

Этим уже определяется масштаб будущей выставки.

Но для практической организации постоянной выставки (с функциями музея) нужны более конкретные данные. Сейчас они могут быть определены только ориентировочно, хотя и с достаточной, для начала работ, точностью.

Исходная цифра — это семь с половиной тысяч экспонатов. Причем некоторые из экспонатов превышают размер три на три метра. Экспозиционная площадь выставки должна быть не менее 2000 кв. метров.

Материалы выставки потребуют электро- и звукооборудования, проекционных и киноустановок. Пропускная способность — 70—100 тысяч посетителей в год., т. е., примерно, две с половиной тысячи экскурсий.

Музейному сектору Наркомпроса необходимо включить организацию такой выставки в свой третий пятилетний план. Включить как самостоятельную единицу!

Надо об'единить все материалы, характеризующие творческий путь Маяковского и литературу его времени, организовать изучение этих материалов, разработать самый подробный план экспозиции и заблаговременно подготовить экскурсоводов.

Нет никаких препятствий к организации в течение третьего пятилетия такой выставки работ В. В. Маяковского, которая была бы вполне достойна памяти «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» (Сталин).

БРОМБЕРГ
Старший научный сотрудник Государственного литературного музея в Москве.

Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР **Абдылаз Малдыбаев** в одной из сцен первого акта музыкальной драмы **«Алтын Кыз»** (Золотая девушка). Музыка композиторов **Власова и Фере.** (Киргизский театр гор. Фрунзе).

Пленум союза писателей Узбекистана

По телеграфу от собственного корреспондента

Восемь дней продолжался четвертый пленум союза писателей Узбекистана. Это первый в истории узбекистанской литературной организации пленум, на котором развернулась критика, невзирая на лица. Правда, с самого начала заправилы союза, ныне разоблаченные националисты Усманов и Берегин, всячески пытались зажать самокритику, однако, это им не удалось.

Вместо официального докладчика Берегина выступил драматург Яшен, который очень робко коснулся лишь некоторых ненормальностей из жизни отдельных членов союза. Когда же начались выступления с резкой критикой, с разоблачениями националистической деятельности врагов, Берегин распорядился об'явить, что пленум происходит при закрытых дверях. Ясно было стремление, по примеру прошлых пленумов, «затушить недоразумения».

При открытии пленума, 31 августа, президиум избран не был. Председательствовал все тот же Берегин. Лишь 4 сентября, после появления обзора «Правды» о «Правде Востока», устранили Берегина и избрали президиум.

Что творилось в союзе?

Усманов, Берегин хозяйничали, грубо зажимая критику и нарушая все принципы демократии. Писатели-партийцы Яшен и Фатхулин, потеряв классовую бдительность, выступали по указке Берегина.

Берегин стремился в первую очередь продвинуть произведения своих единомышленников националистов Усмана Насырова, Айбека, Чулпана, Анкабая, Зия Саидова и других. Десятки тысяч рублей из касс театров, издательств, союза, Литфонда текли в карманы этой компании. Сам Берегин умудрился, абсолютно ничего не делая, за год набрать 42 тысячи рублей! Анкабаю союз купил дом. Бытовое разложение, пьянка, дебоши на загородных дачах стали обычным явлением.

В литературе проводили джадидские идеи контрреволюционеров Фитрата, Чулпана. Литературную молодежь пытались вовлечь в антисоветские кружки. Черносотенные выходки Усмана Насырова считались шалостями «гения».

На 11 сентября назначена **чрезвычайная конференция** союза писателей.

С. МАШИНСКИЙ

Книга о Герцене

Литературно-художественное наследие Герцена представляет собой, пожалуй, одну из наименее изученных страниц в истории русской литературы XIX столетия. Тема — Герцен-художник, если и привлекала к себе в прошлом внимание буржуазных исследователей, то главным образом как бы затем, чтобы скомпрометировать и обессмыслить самую тему, лишить ее права на самостоятельную литературно-художественную значимость. «Герцен — превосходный публицист, но слабый художник», — таков был основной их тезис. Так, усилиями Волынских, Страховых, Булгаковых творчество замечательного революционера, блестящего и своеобразного мастера слова исключалось из истории русской литературы.

Примечательно, что в таком же направлении шла борьба и против Добролюбова. Те же Волынские, Шелгуновы и Григорьевы, «амнистируя» Добролюбова-публициста, отказывали ему в звании литературного критика. И это не была, разумеется, абстрактная полемика вокруг «звания». Это была тонко завуалированная борьба дворянского либерализма и идеализма против проникновения революционно-демократических устремлений в ревностно оберегаемую святыню художественной литературы и критики.

Тем с большим интересом берешь в руки недавно вышедшую книгу И. Новича, посвященную, как предупреждает автор, «Герцену — писателю, художнику», являющуюся по существу первым солидным исследованием на данную тему.

Герцен-художник представляет собою значительные трудности для изучения. Глубокая оригинальность его художественной прозы, сообщающая ей характер своеобразного комплекса политики, философии, художественных образов и блестящего стилистического мастерства, требует от исследователя-литературоведа разносторонней эрудиции, чтобы разобраться и оценить эти три неотделимых грани искандеровского творчества. Единство творческих и идейно-политических устремлений в практике Герцена-художника находило свое наиболее законченное выражение. Вот почему гурманам от изящной словесности так претили его полные мысли и страсти произведения.

И. Нович совершенно правильно поступает, предпослав основной части книги, посвященной непосредственно Герцену-художнику, несколько глав, трактующих общеполитические и философские воззрения Искандера. Это тем более было необходимо, что обильная критическая литература на эту тему (включая и работы некоторых советских исследователей) страдала рядом существеннейших погрешностей.

Не останавливаясь подробно на этой части книги, следует, однако, заметить, что характеристика политических воззрений Герцена дана в общем правильно и убедительно. Менее удачна глава, посвященная Герцену-философу. Дальше общих рассуждений о естественно-научном характере материализма Герцена Нович, к сожалению, не идет. Проблематика этого раздела скорее лишь названа, но не развернута. Более полно и глубоко исследователь останавливается на анализе художественного творчества писателя.

Своеобразие и значимость беллетристики Герцена осознавали уже некоторые гениальные его современники. Не говоря уже о Белинском, относившемся к нему восторженно и патетически, для Толстого Герцен-художник был «если не выше, то уже наверное равный первым писателям». А Тургенев в одном из писем, делясь своими впечатлениями о «Былом и думах», заметил: «Так писать умел он один из русских».

Замечательная черта герценовской художественной прозы заключалась в ее необычайной социальной целеустремленности, придававшей ей характер гневного сатирического памфлета. Таковы повести «Кто виноват?» и поэтическая исповедь «Былое и думы», «Сорока-воровка» и драматическая сцена «Вильям Пэн», таков весь Герцен-художник. И бесспорная заслуга Новича заключается в том, что он впервые в советском литературоведении на огромном фактическом материале стал разрабатывать тему о Герцене-художнике, обосновал значимость и актуальность его творчества в наше время.

Одной из центральных тем герценовской беллетристики 40-х годов является тема «лишнего человека». В пору жестокого николаевского режима сотни и тысячи талантливых людей, ощутив трагический разлад между своими возвышенными идеалами и мрачной действительностью и не видя реальных перспектив осуществления своих мечтаний, оказывались выброшенными за борт общества, превращаясь в некие, по выражению Герцена, «умные ненужности». Не скрывая их исторической ограниченности, Герцен все же осмысливал судьбу этих людей, как судьбу положительных героев своего времени.

И. Нович правильно отмечает необходимость переоценки либеральной традиции, видевшей литературно-художественное обобщение образа «лишнего человека» в тургеневском Рудине. Конечно, Рудин и Бельтов— люди одной «перспективы», но между ними — существенное отличие. Глубокий трагизм тургеневского героя воспринимается в плане его личной драмы, причины которой как бы имманентно скрыты в нем самом. Если Тургенев устраняет негативные черты Рудина в лице его антипода Лежнева, в практическом дельце, успешно приспосабливающем свою деятельность к феодально-буржуазному «духу времени», то Герцен, с его демократизмом и непримиримой ненавистью к этому «духу времени» идет в совершенно ином направлении.

Автор повести «Кто виноват?» не противопоставляет своему герою этакого носителя «практического идеала». Герцен прекрасно осознавал и художественную и идейную несостоятельность подобной концепции. Его Бельтов, как верно отмечает Нович, антагонистичен дворянскому обществу. Правда, этот антагонизм еще не целиком определяет характер его деятельности, проникая пока лишь в его мысли, чувства, настроения.

Конечно, герценовский герой не лишен слабых сторон. И нужно особо отметить, что Нович не прав, превращая Бельтова в целиком положительного персонажа повести. В этическом его оправдании Герценом нельзя все же не видеть тонкой и умной иронии «русского Вольтера».

Недостаточно развернута в книге проблема литературных влияний на Герцена — тема большого и важного историко-литературного содержания. Известно, например, что симпатии Герцена к Пушкину шли не только в плане восторженных оценок им автора «Евгения Онегина», но и по линии непосредственно художественной преемственности! Не говоря уже о некоторой близости «Евгения Онегина» и «Кто виноват?» в сюжетном отношении, проблема влияния образа Онегина на Бельтова, в значительной мере опошленная либеральным литературоведением, — взятая в свете общей проблематики искандеровского творчества, представляла бы значительный интерес.

Равным образом недостаточно развернута Новичем тема о Герцене и Гоголе. Некоторые мысли на эту тему есть в книге, но они, разумеется, не разрешают всего существа этой важнейшей историко-литературной проблемы. Сказанное отнюдь не значит, что Герцен взят исследователем вне всякого литературного окружения. В книге имеется ряд тонких наблюдений о различиях, например, между герценовской и тургеневской прозой, публицистикой Герцена и Анненкова и т. д. Тем с большим сожалением нужно отметить, что эта тема не нашла своего полного освещения в солидной по размеру работе.

Нович справедливо разоблачает легенду, созданную некоторыми либерально-дворянскими исследователями о славянофильстве Герцена, как о якобы ведущей черте его умонастроения после краха революции 1848 года. В отличие от Тургенева, Страхова и др., пытавшихся сделать Искандера неким апостолом славянофильства, наш исследователь правильно отмечает лживость и безосновательность самой легенды. Однако, Нович допускает неточность в оценке существа и характера славянофильства.

С его точки зрения славянофилы (все без исключения!) выражали «помещичье-дворянские классовые интересы» и представляли собой «своеобразное выражение дворянско-помещичьей идеологии, освящавшей феодально-крепостнические отношения николаевской эпохи». Так, забвением исторической перспективы отдает от фразы Новича о «славянофильских принципах «православия, самодержавия и народности» (так буквально и написано! стр. 62). Неверно, конечно, ставить знак равенства между идеологами официальной народности, на чьем знамени Уваров начертал знаменитую черную триаду, и славянофилами. Что может быть нелепее превращения Киреевских и Аксаковых в идеологов официальной народности, а Булгарина, Уварова, Бенкендорфа в ... славянофилов.

Справедливость требует отметить, что этот тезис в книге Новича не нов в литературе. Мысль эта ведет свою непосредственную родословную от Плеханова, писавшего в одной из своих статей, что «славянофильство и теория официальной народности представляют собой по существу одно и то же учение» [1]. Бесспорно, что политическая программа славянофилов, особенно правого их крыла Погодина и Шевырева, была реакционной. Бесспорно также, что деятельность бр. Аксаковых, П. Киреевского и других имела свои некоторые прогрессивные стороны: собирание памятников народной старины, усиленный интерес к народной литературе, стремление приблизить литературу к народу и т. д.

Не следует забывать также, что министр просвещения Ширинский-Шихматов в специальном докладе царю по поводу того, что славянофилы в начале 50-х годов задумали возобновить издание «Московского сборника», заметил, что И. Аксаков придерживается того мнения, что «в древней Руси преобладало начало демократическое». Дубельт усматривал, что «московские славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, **которые не могут существовать в монархическом государстве».**

Политически расходясь со славянофилами, Герцен, однако, писал, что он «никогда не отрицал, что у славян есть верное сознание живой души в народе».

Крушение западнических иллюзий после революции 48-го года бросает Искандера все же не в лагерь славянофилов, а обращает его на путь демократии и утопического социализма.

Недостаточно глубок у Новича анализ стиля герценовской художественной прозы. Здесь не видно руки кропотливого исследователя. Автор ограничился общими полуимпрессионистическими наблюдениями, отчего вся эта часть работы носит по существу поверхностно-описательный характер.

Обобщая свои рассуждения о ведущих стилевых устремлениях Герцена, И. Нович приходит к выводу, что «Герценовский реализм — пессимистический реализм». Мысль эта варьируется на многих страницах. Вывод столь же поспешный, сколь и неверный.

Ленин в своей гениальной статье о Герцене, характеризуя причины искандеровского скептицизма, отмечает, что это была форма «перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» [2]. И в этом «переходе» уже заложены предпосылки преодоления и «снятия» скептицизма. Если обратиться к самому творчеству писателя, то мы легко сможем убедиться в том, что именно так должно понимать мысль Ленина.

Пессимизм его повестей, если можно так выразиться, не декларативно-программный. Он в перспективе «снимается» Герценом хотя бы уже осознанием источников и средств к его устранению.

Достаточно продумать до конца всю внутреннюю логику таких повестей, как «Доктор Крупов», «Кто виноват?» или «Поврежденный», чтобы столкнуться с законным вопросом: о каком же пессимистическом характере реализма у Герцена может итти речь?

Конечно, эту концепцию Нович взял не «от ветра главы своей». Она — пережиток вульгарно-социологической тенденции вскрывать специфические особенности творчества писателя автоматически «по образу и подобию» его политических и философских взглядов. Очень легко, понятно, зная о скептицизме и пессимизме герценовских политических убеждений, додуматься до пессимистического характера его реализма. Но помогает ли такая концепция уяснить подлинную сущность художественной прозы Герцена? Реализм его произведений преодолевал и «снимал» скептицизм и пессимизм Герцена-политика, и этим автор «Кто виноват?» и «Былого и дум» приближался к революционно-демократическим реалистам 60-х годов.

Можно было бы отметить еще ряд менее значительных недостатков книги. Все это свидетельствует о том, что работе Новича, при всех ее достоинствах, не удалось довести до конца и последовательно разработать тему Герцен-художник на основе ленинской трактовки его духовной драмы.

И. Нович. Духовная драма Герцена. Гослитиздат 1937.

[1] Плеханов, Погодин и борьба классов. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 96.

[2] Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 465.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1834 год «Литературные мечтания» Белинского

В сентябре 1834 года в «Молве» началось печатание «Литературных мечтаний». Эту статью можно считать началом всей русской критики, поскольку все прежние критические выступления (Полевого, Греча, Надеждина и др.) имели узкое литературное значение. Белинский был первым русским литератором, сумевшим придать критике широкое общественное значение и пользовавшимся ею для формирования общественного мнения и мировоззрения своих читателей.

Появление «Литературных мечтаний», несмотря на то, что они были написаны почти никому неизвестным анонимным автором, было воспринято современниками как крупнейшее событие в литературе. Учащаяся и литературная молодежь встретила эту статью восторженно. Сделанный Белинским исторический обзор русской литературы был признан шедевром литературной критики. Лажечников, не подозревавший, что Белинский является автором этой анонимной статьи, писал ему: «Что вы поделываете? Что Ник. Ив. (Надеждин)? Чьи это у него такие бойкие, умные «Мечтанья»? Описание царствования Екатерины нас восхищает. Уведомьте с первою почтой, кто автор их?».

Смелое утверждение Белинского о том, что в России нет литературы, — повторяли повсюду. И хотя он был далеко не первым, кто выступал с подобным утверждением, он в отличие от других видел в этом залог будущего расцвета русской литературы. «У нас нет литературы, — писал он, — повторяю это с восторгом, с наслаждением, ибо в сей истине вижу залог наших будущих успехов».

Какое впечатление произвели на молодое поколение «Литературные мечтания», можно судить по запискам И. И. Панаева. Начало этой статьи,— рассказывает он, — привело меня в такой восторг, что я охотно бы тут же поскакал в Москву, если бы это было возможно, познакомиться с автором ее и прочесть поскорее ее продолжение. Новый свежий дух ее так и охватил меня. «Не оно ли,—подумал я,—это новое слово, которого я жаждал, не это ли тот самый голос правды, который я так давно хотел услышать?... Как ничтожны и жалки казались мне после этой горячей и смелой статьи пошлые, рутинные критические статейки о литературе, появлявшиеся в московских и петербургских журналах!».

Особенно сильное впечатление в литературных кругах произвело выступление Белинского против литературных «сановников». «У нас еще и по сию пору, — писал он, — царствует в литературе какое-то жалкое, детское благоговение к авторитетам: мы и в литературе высоко чтим табель о рангах и боимся говорить вслух правду о высоких персонах». «Сановники» не простили Белинскому этого выступления. И. С. Тургенев рассказывает в своих воспоминаниях, как начали чернить Белинского в Петербурге.

Известно, что травля Белинского продолжалась не только до конца его жизни, но и много десятилетий после его смерти. Это, однако, нисколько не помешало тому, что с первого же своего выступления Белинский стал признанным главой литературной критики в России и вдохновителем демократического движения в стране.

1862 год Родился О'Генри

Семьдесят пять лет назад, 11 сентября 1862 г., родился известный американский писатель О'Генри (У. Портер).

Генри начал писать сравнительно поздно. Первый рассказ («Рождественские подарки») он напечатал в 37-летнем возрасте. Через пять лет он выпустил свою первую книгу «Короли и капуста» и затем в течение шести лет выпустил 9 сборников рассказов. В 1910 году он умер, так и не осуществив задуманных им в последние годы крупных произведений. Незадолго до смерти он говорил: «Все, что я писал до сих пор, это просто баловство, проба пера, по сравнению с тем, что я напишу через год».

Основная форма творчества Генри — короткий рассказ, новелла с неожиданной развязкой. Генри не ставил в своих рассказах социальных проблем. Все его герои — ковбои, клерки, фермеры, банкиры—чрезвычайно схожи между собой и характером и даже мировоззрением. Все они в большинстве случаев благодушно настроены, в своих житейских удачах и неудачах видят игру случайностей. Поэтому и развязка в рассказах Генри носит обычно случайный характер. Тем не менее все творчество Генри глубоко демократично. Он заставляет читателя относиться с теплой симпатией к его героям, борющимся с нуждой и житейскими невзгодами. И большинство его героев, это — бедняки и неудачники.

Генри написал около 250 рассказов. В Соединенных Штатах тираж его книг превысил четыре миллиона. Огромным успехом они пользуются и во всех других странах. На русский язык переведены почти все его произведения.

Академический Радищев

Издательство Академии наук СССР приступило к выпуску **первого академического издания собрания сочинений** знаменитого русского просветителя **Александра Радищева.**

Всего будет издано три тома.

В первом томе печатаются художественные произведения писателя, в том числе «Дневник одной недели», «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу звания своего», знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», ода «Вольность», поэмы, мелкие стихотворения и др.

Во второй том войдут философские, экономические и критические работы Радищева, его переводы из иностранных авторов.

В третьем томе будут помещены дневники и письма Радищева, а также материалы следствия и суда над писателем.

Издание выходит под общей редакцией И. К. Луппола.

Пятый советский театральный фестиваль

Сегодня заканчивается московский тур V советского театрального фестиваля. В течение второй половины московского тура иностранным гостям были показаны спектакли «Анна Каренина» и «Любовь Яровая» в МХАТ СССР им. Горького, балет «Спящая красавица» в ГАБТ и спектакли Театра Красной Армии —«Год девятнадцатый» и Цыганского театра—«Свадьба в таборе».

С большим успехом прошел вечер детского творчества в Московском доме пионеров и октябрят.

Сегодня состоится заключительный спектакль московского тура — опера «Руслан и Людмила» в Государственном ордена Ленина Академическом Большом театре.

Сегодня же иностранные гости выезжают в Ленинград, где будет проходить второй, дополнительный тур V советского театрального фестиваля.

«КАДЖЕТИ»

Шота Руставели на экране

Мысль о том, чтобы сделать великое творение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» достоянием театра и кино, не нуждается в защите. Это благодарное и увлекательное дело. Мне кажется, что наибольшая удача ждет здесь оперный театр. Напряженный лиризм поэмы так же органичен для музыкального воплощения, как «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Манон Леско».

Поставленный Госкинпромом Грузии фильм «Каджети» (режиссер К. Микаберидзе)—первая смелая попытка показать на экране образы бессмертной поэмы Руставели.

Правильно выбран материал для сценария. Это один из самых драматичных и действенных эпизодов поэмы. После долгих странствий, приключений и напрасных поисков друзья-побратимы Автандил и Тариэль напали, наконец, на след возлюбленной Тариэля, несравненной красавицы, царевны Нестан Дареджан. Она томится в плену у каджев—злых существ, сильных колдовством и вероломством. Друзьям предстоит взять неприступную крепость и освободить красавицу. С отборными дружинами воинов они мчатся на приступ.

Сценарий прост и эффектен. Это рассказ о том, как преодолевает все препятствия истинная мужественная любовь, как верна и изобретательна дружба, как недолговечно торжество зла. Словом, в коротком сценарии сохранены основные линии львиного рыцарского эпоса. Это само по себе удача. Но простой и эффектный сценарий представлял огромные трудности для осуществления. Пошел ли здесь постановщик по верному пути? К сожалению, приходится ответить отрицательно.

Прежде всего, зачем понадобилась в постановке сложная бутафория, рисованные декорации, двойная с'емка, между тем как перед глазами работавших над фильмом было естественное окружение героев Руставели, окружение, гораздо более убедительное, нежели любая выдумка художника? Это окружение—живая природа Грузии, с ее солнцем, с причудливым разнообразием гор, кремнистыми дорогами, стариной. На актерах отличные кольчуги, шлемы и остальное вооружение, они превосходно джигитуют на своих тонконогих конях. Они хорошо сложены, красивы внешне. Мучительно ждешь, чтобы это великолепие засверкало под настоящим солнцем. Вместо этого действие разыгрывается на фоне каких-то условных пейзажей, затемненных, тусклых и невыразительных. Это очень досадно!

Та же условность проскальзывает и в трактовке образов. Фигуры главных героев слишком часто статичны, они больше позируют перед аппаратом, чем играют. Особенно это относится к трем главным мужским персонажам (Автандил, Тариэль, Фридон). Гораздо живее и проще выглядит на экране Нестан Дареджан в исполнении Т. Цицишвили. В ее облике, кроме необходимого внешнего обаяния, есть непосредственность и теплота.

Каджи показаны на экране неуклюжими дикарями в звериных шкурах, в рогатых коронах, заросшие бородами до глаз. Конечно, это возможная и в известном смысле правдоподобная трактовка. Но нам представляется, что каджи, хранители драгоценной горной руды, злобные и изворотливые колдуны, посягнувшие на несравненную прелесть Нестан Дареджан,—это не первобытные чудища, а племя низкорослых скопидомов, изощренные стяжатели, родственные тому Кащею русского фольклора, который «над златом чахнет».

Лучшее в картине—звуковое оформление. В самом начале убедительно и сказочно звучит перекличка часовых на башнях Каджети. Она вводит в незапамятную старину, в таинственную необычайность события. Еще лучше—песня Нестан-Дареджан. Это щемящий и трогательный напев «Грузии печальной». Он и сам по себе прекрасен и как нельзя лучше вяжется с духом Руставели.

Это лишний раз убеждает в том, что в поэме Руставели композитора ждет неисчерпаемый источник творческой радости.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

«При этом зрелище г-н Демаре отступил в ужасе. Он не мог признать изящного молодого человека в этом существе, которому, по выражению Боссюэ, не было названия ни на одном языке».
Издательство «Academia» выпускает **«Историю тринадцати» Бальзака** с иллюстрациями художника **В. Бехтеева.**

Трибуна читателя

Дайте книги Горького и Маяковского

Жизнь трудящихся нашей страны стала культурной и радостной.

Быстро растет количество школ и вузов, в корне ликвидируется неграмотность и малограмотность.

С ростом культуры и улучшением быта трудящихся вырос спрос на художественную литературу.

К сожалению, наши издательства мало об этом думают.

Самым огромным вниманием среди трудящихся масс пользуются Максим Горький и Владимир Маяковский.

Во всех книжных магазинах ежеминутно можно слышать вопрос: «Есть ли что-нибудь Маяковского или Горького?» И всегда — один и тот же ответ: «Ничего нет».

Необходимо издательствам заняться этим серьезным вопросом, чтобы каждый советский гражданин имел возможность овладеть «оружия любимейшего родом».

ИВ. ШЕВЦОВ

Орша, БССР.

«Детский» лепет в журнале «Безбожник»

О качестве стихотворного творчества под карикатурными рисунками в журнале «Безбожник» мы никогда не были высокого мнения. В большинстве случаев это наскоро состряпанная поэтическая безвкусица.

Однако в № 8 (август т. г.) «Безбожник» превзошел самого себя.

Он поместил рисунок, изображающий попа, который играет со школьниками в чижика.

Первая строфа стихотворной подписи к рисунку изложена так:

Чижик-пыжик, где ты был?
Поп детишек полюбил,
Он невинно развлекался,
С ними в чижичка **игрался.**

Первая строка, взятая из детской песенки о чижике-птице, здесь, как говорится, ни к лугу, ни к болоту. Последняя же строка непростительно безграмотна. Как это можно выразиться — «в чижика игрался»?

Я не причисляю себя к поэтам (даже к плохим), но все же нахожу, что было бы много грамотнее, если бы обе последних строки цитируемой выше строфы были выражены так:

Их «невинно» развлекал:
С ними в чижика играл.

В. ЛИСИЦЫН

Ламки, Воронежской области.

И. ЖИГА

Что было в смоленском отделении союза писателей

В Смоленске в свое время подвизался Авербах в качестве редактора местной областной газеты. И здесь он сколачивал свою литературную группку, подбирал и воспитывал свои кадры и в конце концов создал в Смоленске опорную группу «налитпостовства».

После Авербаха в Смоленск часто наезжали с докладами и «лекциями» Киршон, Афиногенов, Мазнин, Кирьянов, Трощенко, Третьяков, Лузгин. Все они так или иначе влияли на молодых смоленских писателей, с некоторыми из них пытались завязывать переписку. Третьяков, например, писал Долгоненкову, расхваливая его произведения, Мандрик посылал свои письма Авербаху. Авербаховскими «корешками» в Смоленске были члены партии — Мандрик, бывший редактор журнала «Наступление», Виницкий — бывший редактор смоленской «Литературной газеты», рецензент Кац и «литератор» Македонов, которого Авербах рекомендовал в партию. Македонов был до последнего времени сознательным проводником авербаховских установок в литературе, агентом авербаховской троцкистской банды.

В 1934 г. в Смоленск прибыл из города Бежицы Завьялов, снятый там с работы за троцкистскую трактовку истории партии. Он «возглавил» союз писателей.

С этого времени роли распределились следующим образом: Завьялов, как председатель союза, покрывал Македонова, поддерживал Мандрика и Каца, защищал этих людей от критики со стороны беспартийных писателей, проводил правотроцкистские установки в литературе. Со своей стороны Македонов, Кац, Мандрик поддерживали Завьялова, восхваляли его «творчество», продвигали на сцену заведомо никудышные его пьесы. Создалась круговая порука.

Такова была руководящая головка в смоленском отделении союза писателей.

Македонов организовал свою группку и, опираясь на нее, третировал, «заушал» и охаивал остальных смоленских писателей. Он натравливал их друг на друга, вносил в писательскую среду склоку и разложение. Завьялов все это покрывал своим «благодушием». Мандрик делал вид, что ничего не замечает. Театральный критик Кац, поддерживая Завьялова и Мандрика, строчил подхалимские статьи и организовал целую полосу в областной газете, восхваляющую пьесы Киршона и Афиногенова.

Македонов всячески раздувал «славу» поэта Твардовского. Делалось это для того, чтобы втянуть Твардовского в группировку и вести его за собой. Надо сказать, что хвалебная критика вскружила голову Твардовскому. Он уже пренебрежительно относится к другим поэтам, ссылаясь на 20 напечатанных о нем статей, а между тем даже в его расхваленной «Стране Муравии» немало политически сомнительных мест. И я убежден, что если бы наша критика более внимательно и настороженно отнеслась ко всему творчеству Твардовского, если бы она не прельщалась одной только очевидной талантливостью поэта, то она увидела бы, что Твардовскому надо еще много над собой работать, чтобы стать действительно советским поэтом.

Следует снова оценить творчество Твардовского и с большевистской прямотой указать ему его место в советской литературе.

Македонов, Завьялов и К° стремились изолировать писателей от советской общественности, зажать критику и самокритику в организации, подорвать рост молодых писателей, лишить их возможности работать над собой. Они культивировали упадочнические богемские настроения среди молодежи, пытаясь заставить ее петь под свою антисоветскую дудку.

Растущие молодые дарования из рабочей и колхозной молодежи оттирались от союза писателей, предоставлялись самим себе, и никакой работы с ними не велось.

Преступная «деятельность» этой компании завела организацию в тупик. Только теперь, после разоблачения Македонова и его покровителей Завьялова, Мандрика и Каца, смоленские писатели поняли, в каком гнилом болоте они находились. Поняли они также, какую громадную работу надо проделать над собой каждому, чтобы очиститься от наростов и язв авербаховщины.

Здоровое ядро смоленской писательской организации взялось за ликвидацию авербаховщины. Надо надеяться, что с помощью и под руководством партийных органов товарищи восстановят связь с советской общественностью и сделают выводы из своих ошибок, очистят организацию от случайных и разложившихся элементов и создадут все необходимое для творческой работы по-новому.

Открытое письмо тов. Ф. Березовскому

В вашем открытом письме, адресованном моим товарищам и мне (члену ревизионной комиссии союза писателей), вы упрекаете нас в том, что мы не проявляем никакой активности в возложенном на нас деле надзора и контроля за хозяйственной частью деятельности союза писателей.

Не знаю, как будут реагировать на ваши упреки мои товарищи по ревизионной комиссии, но я считаю нужным ответить вам и указать на следующие обстоятельства.

Почти все перечисленные вами в вашем открытом письме писатели принадлежат к числу активно работающих в литературе. Вместе с тем они никогда не уклоняются от заданий общественного характера, которые возлагают на них союз писателей и другие организации.

Чем же об'ясняется то обстоятельство, что большинство названных вами товарищей не имеет вкуса к работе в ревизионной комиссии ССП?

Об'ясняется это обстоятельство тем, что вы, руководитель ревизионной комиссии, бездушно, по-канцелярски ведете ее работы, что вы затягиваете заседания комиссии, поощряете ненужные словоизвержения, заставляете по часу слушать чтения актов обследования, в то время как каждый мог бы ознакомиться с ними до заседания. Вы, как председательствующий на этих нескончаемых заседаниях, не умеете быстро, конкретно, по-деловому проводить заседания ревизионной комиссии и этим отбиваете охоту работать.

Наконец, вы не умеете привлекать внимание общественности и печати к работе комиссии, и это приводит к тому, что, например, требующее настороженного внимания писательской организации положение в единственном в стране литературном ВУЗ'е (при союзе писателей) не получило никакого отражения в нашей печати, в секретариате союза писателей.

Обращаю внимание еще на одну особенность вашего выступления.

Вы имели возможность категорически поднять вопрос о нерадивых членах ревизионной комиссии в секретариате союза и, наконец, на пленумах союза писателей, но предпочли обратиться к печати. Нисколько не возражаю против этой меры, но не странно ли, что ваше открытое письмо со ссылками на перегруженность работой в ревизионной комиссии появилось в «Литературной газете» после того, как вас, писателя Ф. Березовского, не раз упрекнули «Правда», «Известия» и другие газеты в невыполнении ряда договоров с издательствами и склонности к переизданию ваших старых трудов. Это заставляет меня думать, что открытое письмо ваше направлено не только в наш адрес, а имеет особое назначение.

Л. НИКУЛИН

Литература на хакасском языке

Красноярское издательство выпускает в этом году следующие книги на хакасском языке: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Жизнь Пушкина» Вересаева и ряд книг для детей: «Приключения Тома Сойера» Марка Твэна, «Сто тысяч почему?» М. Ильина, «Басни» Крылова, «Рассказы» Чехова и «Гадкий утенок» Андерсена.

Выходит также альманах молодых хакасских писателей.

В секции критиков

Сегодня в 6 часов вечера в помещении союза писателей созывается собрание критиков и литературоведов. С докладом о состоянии и задачах критики выступит т. **Юдин.** После доклада будут произведены выборы бюро секции критиков.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Маленький фельетон

«ЯЗЫЧНИКАМ»

Лет тысячу назад
в давно былые годы
Нам старожил
рассказывал один,
Как будто бы язык,
подвешенный свободно,
До Киева
владельца доводил.
Но взглядом бдительным
историю окинув,
Находит наш
научный фельетон,
Что был для языка
пределом город Киев
Лишь при отсталости
языческих времен.
Мы думаем — с тех пор
давно истлели мощи
Того, кто сей рекорд
поставил на века.
И вместе с техникою — общей
Шагнул рекорд
«на дальность языка».

★

О, как приятно,
если бы вы знали,
В веселом обществе
за лакомой едой,
Когда какая-то
острящая каналья
Всех развлекает
разной ерундой,
И в тот момент,
когда вниманьем общим
Недорассказанный
владеет анекдот,
Сказать небрежно,
между прочим:
— «На-днях
мы получили от...
Конструкцию
такого самолета,
Какого не было еще
у нас в стране!
И быстроту
и радиус полета
Всех прежних образцов
он перекрыл втройне...
Еще не рассказав
подробно новость эту,
Вы наблюдаете,
как старый анекдот
С рассказчиком своим
низринут вами в Лету,
А общество на вас
глядит раскрывши рот.
Все общество,
от любопытства тая,
Внимание свое
адресовало вам,
Вы видите
счарованье тайны
В глазах мужчин,
полуулыбках дам.
Вы продолжаете небрежным,
прежним тоном
Входить в подробности:
— «Вот скажем например...»
А Карл Иваныч —
уж на что он
Все видывал —
немецкий инженер!
С улыбкой
древнего Улисса,
В пенсне, где каждый глаз
поставлен, как — тире
На вас
всем пузом навалился,
Так явно предпочтя
вас — паюсной икре.
Мечты сбылись.
Пришел момент, и вот
Вы — центр вниманья,
вы в почете.
Вы — неизвестный,
мелкий счетовод,
Попавший в этот дом
по просьбе вашей тети,
Вы продолжаете:
— «А, скажем, пулеметы
На самолете том
устроены не так...»
— «А как устроены?»...
(Где ваши анекдоты?
Вы смотрите туда,
где замолчал остряк)
Вы знаете, что
этот неудачник,
Не кончивший
свой старенький рассказ,
Хотел потом
свидание назначить
Блондинке той,
что не спускает глаз
С вас именно.
Да вы ему вперед
Очко дадите
в некотором роде,
Конечно вы
всего лишь счетовод,
Но счетовод...
на некоем заводе.
И, вдруг, когда
вы сообщили вещи,
Всех изумившие,
и, словно в сладком сне,
Готовы заявить:
— «Все предо мной трепещет!»
Вдруг Карл Иванович,
поправивши пенсне,
Вам говорит:
— «А вот у нас в Германии
Шагнула техника
вы знаете ли так,
Что каждый истребитель
минимально —
Шесть пулеметов
носит на бортах!»
— «Всего шесть штук?
Изволите смеяться!
Из вашей техники
едва ли выйдет толк.
Наш новый самолет
имеет целых... надцать!
А знаете, какой
высотный потолок?...»
И как обойму
зарядивши фразу
Железом цифр,
как автомат почти,
Их во врага
выпаливая сразу,
Вы Карл Иваныча
сметаете с пути!
И общество все
вашими словами
Уложено,
вы, наконец, герой!
И немец начал вновь,
при всех побитый вами,
Свой поединок
с паюсной икрой.
С блондинкой той,
которая — напротив
С вас не сводила глаз,
страдая и любя,
Вы целый вечер
кружитесь в фокс-троте,
Соперников
не зная для себя.
И столько снов
увидите вы за ночь
Приятных для себя,
что прямо и не счесть,
А вечером придет к вам
Карл Иваныч...
Подумайте —
какая честь!
Зайдя к вам в комнату,
прикрывши плотно двери
И улыбнувшись
ото всей души,
Он скажет:
— «Я про самолет не верю...
Я вас прошу
достать мне чертежи!»...

★

В природе — все
устроено премудро.
Одно нехорошо —
что славою влеком,
Дурак в развитии дальнейшем
почему-то
Всегда становится
опасным дураком.
«Язык мой — враг мой»
истину усвой.
Так говорит народ,
мудра его природа.
Язык мой — враг мой,
и не только — мой,
Он может быть врагом
и моего народа.
Порой незваный гость
приходит к людям в гости:
Кто ходит за едой,
кто ищет новостей,
И гостю этому
нет лакомее кости,
Чем тот язык,
который без костей!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Пушкинские альбомы

Передвижные пушкинские выставки Государственного литературного музея пользуются огромной популярностью.

Из разных городов Советского Союза поступают просьбы направить к ним материалы о жизни и творчестве великого поэта.

Чтобы удовлетворить этот огромный спрос, организована рассылка альбомов с текстами и фотокопиями материалов о Пушкине.

Каждая такая выставка-посылка состоит из 30 альбомов, сложенных в три небольших чемодана.

Первые три чемодана с материалами о творчестве великого русского поэта были направлены в Якутию на самолете.

За полгода в разные города Союза отослано **122** таких выставки.

Однотомник П. Ершова

Собрание сочинений П. Ершова—автора «Конька-Горбунка» выпускает Омское издательство. В книгу войдут сказки «Конек-Горбунок», «Сузге», стихи, пьесы и критические статьи.

Однотомник будет снабжен библиографическим указателем и комментариями литературоведов.

Книжная хроника

★ **Десятый том полного собрания сочинений Генриха Гейне** вышел в издательстве «Academia». В томе — проза Гейне: «Мысли и афоризмы», «Доктор Фауст», «Боги в изгнании», а также статьи поэта о революции 1848 г. во Франции — «Февральская революция».

Выпуск собрания сочинений Гейне будет закончен в текущем году. В ближайшее время подписчики получат первый, второй, третий и восьмой томы.

★ Издательство «Academia» выпустило **третий том собрания сочинений В. Шекспира.** В нем помещены исторические хроники: «Король Джон», «Король Ричард II», «Король Генрих IV» и «Король Генрих V». Каждая пьеса сопровождена комментарием. Книга иллюстрирована гравюрами и рисунками Д. Опая, Д. Джильберта, Бойделя и др. художников. Все издание будет закончено в начале 1938 года.

★ **Избранные стихи** замученного Николаем I поэта А. Полежаева выпущены издательством «Советский писатель» со вступительной статьей и примечаниями Н. Бельчикова. В сборник вошли наиболее значительные произведения Полежаева, в том числе поэмы «Чирт-Юрт», «Сашка», стихотворение «Арестант» и др.

★ В том же издательстве вышли в свет сборник стихов П. Катенина и «Одноэтажная Америка» Ильи Ильфа и Евг. Петрова.

Уполномоч. Главлита В—26614. Типография газ. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.